

КОМПЛЕКС ПРЕВОСХОДСТВА

18+

СЕРГЕЙ Д. БЛИНОВ

Сергей Блинов
Комплекс превосходства

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Блинов С. Д.

Комплекс превосходства / С. Д. Блинов — «ЛитРес: Самиздат»,
2017

Железный Город давно забыл, что такое солнечный свет. Его холодное механическое сердце работает на износ, а в полуразрушенных домах поселилось изощренное зло. Нечто такое, с чем не стоит встречаться. Расследуя жестокое убийство коллеги, молодой сотрудник юридического агентства противостоит безжалостному маньяку и втягивается в круговорот политических интриг...

Пролог

Дом был старый, ветхий и пугающий. С изъеденных коррозией балок над головой Денн то и дело срывались крупные капли, паркет под ногами скрипел и прогибался при каждом шаге. О том, чтобы идти по нему на каблуках, нечего было и думать. Денн шлепала босиком. Чулки тоже пришлось снять: испачкать их – значило навлечь гнев Луи. Кто же захочет смотреть на актрису в грязном белье?

Стуча наугад во все двери, Денн искала съемочную площадку. Сегодняшнего визора она не знала; кто будет партнером, ей также не сказали. Сплошные сюрпризы, причем не самые приятные. Денн ценила определенность и – странное качество для фривольной актрисы – привязывалась к экранным любовникам, а в некоторых из них даже влюблялась. Жить с ними, разумеется, она не решалась. Среди ее покровителей было много более влиятельных и интересных людей. Тем не менее, плотская любовь сблизала, и Денн предпочитала транслироваться с теми из актеров, которым симпатизировала.

Очередная дверь в ответ на стук отворилась, и Денн попала на площадку. Кровать была на месте. Хоть об этом Луи позаботился! Порой он заставлял ее заниматься любовью на голом полу, от чего в самых неожиданных местах появлялись занозы, а колени и локти стирались в кровь. И это уже не говоря о съемках в цепях, с хлыстами или наручниками. От последнего Денн еле отделалась, заявив, что вообще уйдет от жестокого режиссера.

Молодая гримерша усадила Денн на кровать и непродолжительное время колдовала над ее образом. В зеркале актриса увидела себя заметно повзрослевшей благодаря алым губам, фарфорово-бледной коже и теням, визуальным утопившим глаза и сузившим нос. Ей понравилось. Она разделась, позволив девушке осмотреть себя. Помощница Луи придирчиво пробежалась глазами по телу Денн, безжалостно выдернула щипчиками пару отросших волосков на лобке, ощупала живот, велела показать язык, поднять руки, раздвинуть ноги. В конце осмотра она дала Денн таблетку. "Луи велел", – сказала гримерша в ответ на вопрошающий взгляд актрисы.

Денн послушно сунула таблетку под язык. Обычно алхимическая дрянь, коей режиссер пичкал своих подопечных, усиливала влечение. Актрису это не смущало. Наоборот, иногда только зелья помогали расслабиться с особо неудачным партнером.

Зашли техники. Подперев дверь ящиком, они занесли в комнату разобранную машину фантазий. Один из тех, кто монтировал ее, не переставал пялиться на Денн. Актриса позволила ему насладиться видом. Ей не было жалко. В конце концов, работая на Луи, он наверняка перевидал столько голых женщин, что уже мог бы и потерять к ним всяческий интерес.

Визора завели последним. Сев на предназначенный ему стул, он склонил бритую голову и морщился всякий раз, когда в очередной вживленный в нее разъем втыкали оголенный контакт тестировочного кабеля. Глаза телепата помутнели, а на тестировочном экране появилось изображение: обнаженная Денн на кровати, как раз такая, какой ее видел визор.

– Жаки, к вашим услугам, – прошелестел визор.

– Денн.

– Ах да, знаменитая Ласточка, конечно, – телепат закивал; жутковатые бельма заблестели в свете загоревшихся светильников. Ее имя многое сказало ему, и его подсознание уже начало работать, налаживая ассоциации, продумывая связи с готовыми к трансляции зрителями. Жаки знал, как ее преподнести. Одно удовольствие работать с таким визором!

– Вы уж простите, что не признал, – сказал Жаки. – Не смотрю трансляции других визоров.

– Понимаю вас. Я тоже предпочитаю не трахаться без лишней на то надобности. Надо же отдыхать от работы, – пошутила Денн. Жаки улыбнулся, но скорее из вежливости.

После наладки техники спешно покинули площадку. Помощница Луи шепнула что-то Жаки и тоже вышла, оставив дверь приоткрытой. В коридоре стало прекрасно видно, где идут съемки. Единственным, что их откладывало, была задержка актера.

– С кем я снимаюсь? – спросила Денн.

Визор пожал плечами. Худая рука протянулась к пульту машины фантазий, щелкнула переключателем, и вслед за тестировочным экраном один за другим загорелись основные. Визорная запись началась.

Денн знала, что делать. Она принимала то одну, то другую позу, демонстрируя свое тело тысячам зрителей, пускавшим слюни по ту сторону экрана. Таблетка не действовала: возбудиться не получалось, даже напротив, все ощущения притупились, и, лаская себя, актриса старательно изображала наслаждение, коего не чувствовала. Плоть не откликнулась на стимуляцию.

Шаги в коридоре вернули Денн интерес к происходящему. Она специально повернулась так, чтобы увидеть входящего актера, развела колени и прикрыла ладонью самое сокровенное. Пусть подойдет поближе.

Дверь распахнулась. Слепленная светильниками Денн не видела партнера. Она облизнула губы и поманила его пальцем.

– Иди же ко мне.

Он сделал несколько шагов по направлению к кровати, попав в перекрестье желтых лучей. Актер был странно одет, а руки держал за спиной. Денн это не волновало. У Луи свои причуды, пусть работает по сценарию, а она подыграет.

– Кто у меня сегодня? – хрипло проговорила она.

Актер не ответил. Его колено опустилось на кровать между ног Денн. Широкополая коническая шляпа с вуалью качнулась назад, и руки взлетели вверх. В каждой актер сжимал по огромному серпу с зазубренными лезвиями. И только тогда Денн стало по-настоящему страшно...

1.

Железный Город

– ... а еще Денн убили, – закончил шеф.

Какого дьявола?

– Что?

– Денн убили, – повторил шеф и опустил голову, глянув на Ги поверх очков. – Чего непонятного? Ты знал, что она промышляет съемками в порнографии?

– Нет, конечно!

Откуда Ги вообще мог что-либо знать о Денн? Он разговаривал с ней всего трижды в жизни: раз при приеме на работу и еще два на общих собраниях фирмы. Оба последних раза, в основном, слушая поток оправданий и изредка перебивая его язвительными комментариями. Он подозревал, что из всех коллег о развратных съемках узнал бы последним. И явно не от самой Денн.

– Я хочу, чтобы ты съездил на место преступления.

– Почему я? Пошлите Мирти или Хилльбрэнда. Они оба подбивали к ней клинья. А меня Денн бесила. Откровенно говоря, я вообще старался ее не замечать.

Шедерне энергично покачал головой.

– Отправишься именно ты. Судя по тому, что я услышал от оперативника, Мирти и Хилльбрэнд после поездки на работу больше не выйдут.

– Почему?

– Отправятся в приют для сумасшедших. Нужен человек с крепким желудком, многое повидавший и не склонный к истерикам. Кто-то вроде тебя. Или сам ты.

Ги пожал плечами.

– А как же встреча с ван Рёками?

– Сам встречусь, – шеф поскреб жирную шею и внимательно изучил то, что оказалось после этого под ногтями. – Твоя задача – потолкаться на месте, засвидетельствовать гибель Денн от имени фирмы и, что важнее всего, убедить оперативников, что фирма не имеет ни малейшего отношения к убийству. Ясно?

Еще б не ясно! Старый лис заранее просчитал все ходы и решил как можно скорее открититься от нерадивой сотрудницы. Нерадивой покойной сотрудницы.

– Куда я еду?

– На съемочную площадку. В Железный Город.

Вертикальные пути до Железного Города ни на миг не прекращают движения. Буровато-зеленые кабинки со скрипом и лязгом спускают и поднимают бесчисленное множество работяг. Особое Министерство утверждает, что за день путями пользуется больше сотни тысяч человек. Ги охотно верил в это.

Другого законного способа попасть в Железный Город нет. Верхний Город сообщается с внешним миром сотнями железнодорожных путей, шоссе и судоходных каналов. Наверху есть воздушный порт и телепортационные башни. Внизу нет ничего, кроме непрерывного движения древних механизмов, вони, вечного шума, отчаявшегося люда, десятилетиями не видящего солнца, и адского труда, сокращающего средний возраст работяг до тридцати. Выбраться из этого кошмара можно только по вертикальным путям. Если, конечно, на это найдутся деньги.

Жители Верхнего Города частенько спускаются за запретными удовольствиями и товарами, которые под светилами просто не найти. Несмотря на официально утвержденную Министерством изоляцию, Железный Город дыряв, как пробитый пулями (для верности) дурушлаг. Его подпольные рынки кишат незарегистрированными проходимцами, готовыми продать любую нелегальную гадость: от наркотиков до выкопанных трупов. Здесь можно встретить магов народа тхейрасха (въезд которым строго запрещен декретом 24), некромантов (смертная казнь за темные искусства – указ 15А параграф 3), алхимиков-самоучек (до 25 лет каторги согласно поправке 6 к декрету 99) и боги ведают кого еще. И, разумеется, Железный Город – просто находка для искателей продажной любви.

Трясаясь в узкой кабине, Ги представлял, как Денн – утонченная хрупкая Денн – этим же самым путем спускалась в лабиринт ржавчины, грохота и гниющей плоти, чтобы предаться разврату перед визором. И чего ей не сиделось наверху? Вместе со Ги ехала семья – преждевременно состарившаяся женщина, к чьему подолу липло трое разновозрастных детей, ее супруг, угрюмый худой мужик в пиджаке с насквозь протертыми рукавами и бахромой вылезших ниток, а также неопределенного возраста и родства мужчина с густыми прокопченными усищами. Все они молчали. Окон в кабине не было, и почтенное семейство в полном составе изучало попутчика. Отец буквально раздевал его взглядом, но, естественно, не из-за эротических желаний, а поскольку новехонькие куртка и штаны стоили больше, чем он зарабатывал за месяц. Социальное неравенство, все такое. Ги принимал теорию о том, что построить государство абсолютно равных людей невозможно, но в тот момент ловил себя на мысли о том, что гражданин Дырявый Пиджак может всадить ему в живот нож просто так, из зависти и отчаяния, и это было бы логично. Общество нуждалось в реформе, оно вопило о ней, протягивая тощие костлявые руки к мраморным балконам и стеклянным небоскрегам Верхнего Города. И не получало желаемого уже очень долго.

Жутковатая игра в гляделки заняла около получаса, после чего кабинка особенно интенсивно вздрогнула и замерла. Двери со вздохом разъехались в стороны, и Ги поспешил выйти. Усатый пробурчал вслед несколько особо человеколюбивых слов.

К счастью, съемочная площадка Денн находилась по соседству со станцией вертикальных путей. Многоярусное здание из ржавого металла и гнилого дерева было огорожено оранжево-черной лентой: под снос. Свет уличных фонарей, которые по понятным причинам в Железном Городе не гасли никогда, выхватывал из мрака покосившийся фасад, провалы окон с высаженными стеклами, пустой дверной проем, обвалившуюся лепнину. Дом строился до того, как Железный Город превратился в презренную клоаку. Свидетель былого величия, переживший упадок, крах и ожидавший теперь лишь вечного забвения.

Заходить внутрь было страшновато, но выбирать не приходилось. Все, что сказал шеф, важно; все, что он велел, должно быть исполнено. Включив фонарик, Ги перелез через ленту, пересек лужайку, поросшую подземными грибами, и осветил в окно первого этажа.

– Эй, есть здесь кто?

– Вы из фирмы? – женский голос. Приятный. Хотя это неплохо. – Заходите! По коридору вторая дверь налево.

Вторая дверь налево привела в комнату, лишенную окон, зато ярко освещенную. И дурно пахнущую. И еще хуже выглядевшую.

Шеф не ошибся с выбором. Мякотелого Мирти вырвало бы прямо на пороге. В центре комнаты в перекрестном свете четырех мощных светильников стояла кровать. Шелковое покрывало на нем когда-то было белым, но теперь об этом напоминали разве что несколько светлых пятен. Все остальное пропиталось кровью. На двух подушках лежало обезглавленное четвертованное тело со вскрытым от солнечного сплетения до паха животом. Внутренности убийца вынул и разложил по кровати; руки и ноги бросил на пол; голову Ги не увидел.

– Вы в порядке?

Он помотал головой и только теперь обратил внимание на живых людей, находившихся в комнате. Обладательница приятного голоса – молоденькая девушка в форме младшего оперативника – прислонилась спиной к стене и записывала что-то в толстую тетрадь. Группа мужчин в белых халатах столпилась по одну сторону кровати. Был и криомант в черном кожаном плаще поверх брони и маске-фильтре с затемненными линзами. А если к делу привлекли криоманта, ничем хорошим оно не пахло.

Последним Ги заметил визора. Опутанный проводами, обставленный съемочной аппаратурой, он неподвижно сидел на стуле. О том, что он жив, свидетельствовало лишь судорожное подергивание пальцев, вцепившихся в колени.

– Вы в порядке? – повторила вопрос оперативница. Ги протянул ей визитную карточку.

– Смотрите с чем сравнивать.

Он кивнул в сторону того, что осталось от Денн. Один из медиков-оперативников поднял ногу, все еще затянутую в чулок, и внимательно изучал срез.

– Остроумно, – оценил криомант. – Подпишите бумаги и проваливайте.

Само очарование!

– Я представляю юридическую фирму, офицер. «Подпишите и проваливайте» – не наш метод.

– Прочитайте, подпишите и проваливайте.

– Послушайте, я даже не уверен в том, что передо мной Денн Ларе. Я не имел счастья наблюдать ее в таком виде прежде, а без головы опознание может затянуться.

– Вам нужно доказательство? – криомант указал на визора. – Вот оно.

У детей, рождающихся с даром телепата, выбор небогат: государственная служба или контракт с вещательной фирмой. Второй путь приносил немалые деньги, но калечил и тело,

и судьбу молодых людей, поэтому шли по нему только беднейшие и отчаявшиеся. В ходе обязательной операции в черепе будущего визора высверливались три отверстия, через которые мозг присоединялся к сложному аппарату, носившему в профессиональной среде прозвище машины фантазий. Машина транслировала телепатические сигналы визора на связанные с ней экраны. Чем сильнее визор – тем больше экранов может получить передаваемое им изображение – и тем сильнее головные боли, преследующие его всю жизнь. Многие сходили с ума. До сорока доживали единицы.

Сидевший перед Ги тощий усатый мужчина относился к низшей касте визоров – слабым магически и потому бравшихся за любую работу. Очевидно, порнография для него было не просто делом жизни – соломинкой, за которую он цеплялся, чтобы не умереть от голода.

– Он все это видел?

– Он все это транслировал, – сказала оперативница. – Так что вместе с ним наблюдало за разделкой мадемуазель Ларе еще и скопище экранных онанистов.

– Один из которых и вызвал вас?

– Оставим это без комментариев, – вмешался криомант. – Закон здесь представляем мы. Так вы будете читать бумаги?

– Нет. Я так и не получил доказательств.

Маг нетерпеливо тряхнул головой, фильтр издал сдавленное шипение.

– Вам не кажется странным, офицер, что сообщивший о преступлении, кем бы он ни был, опознал в актрисе фривольного жанра именно некую гражданку Ларе, работавшую именно на фирму «Шедерне и партнеры»?

– Нам позвонил владелец всего этого позорного цирка, – сдался криомант. – Или вы считаете, что и он не знает, как зовут его работниц?

– Могу я с ним поговорить?

– По-зво-нил. Не приехал, не прибежал. Его ищут.

Странно. Будь Ги хозяином какой-никакой, а все же порностудии, он бы предпочел как можно скорее замести следы и скрыться вместе с визором. Финансовые потери меньше. Лишних вопросов нет. А клиентура всегда отыщется. Вместо этого он вызвал стражей общественного порядка. Зачем?

– А убийца? Его ищут?

– Глупый вопрос, гражданин... – криомант повертел в руках визитную карточку. – Дела-морре. Исключительно глупый.

– И все же ответьте. Я представляю интересы фирмы, а значит, и интересы каждого ее сотрудника. Даже тех, кого растерзали в прямом эфире. Я не стану ничего подписывать, пока не узнаю всех подробностей.

– Он был в маске, – встряла девушка-полицейская. – И в мешковатой одежде, и не произнес ни слова. То есть, мы не можем даже составить его первичный портрет.

– А кто должен был сниматься в фильме?

– Актер, – озвучил очевидное криомант. – Его ищут.

Всех ищут. Просто триумф коллективной полицейской ответственности!

– Одни лишь обещания поисков недостаточны для руководства фирмы.

– А кто сказал, что мы собираемся удовлетворять любопытство горстки толстосумов? – обнаружил в себе социалистические воззрения криомант. – Ничего подобного! Вы, Деламорре, можете возвращаться к ним и сообщить, что вас вместе с ними оскорбили и унизили. Мне плевать! Вам не дотянуться до государственных служащих, как бы сильно этого не хотелось.

Похоже, уже второму встречному за день не пришлось по душе дорогой костюм. И умудрилась же Денн погибнуть как раз накануне встречи с братьями ван Рёками! Подождала бы до завтра – Ги бы надел что-то более подходящее случаю.

В принципе, большего, чем Ги уже получил, от него не требовалось. Полиция прибрала кровавое дельце к рукам и вряд ли отважилась бы пугать им общественность. Похождения серийного убийцы, оборвавшего жизнь нескольких бездомных в прошлом году, научили их осторожности. Тогда всеобщая паника едва не спровоцировала политический бунт. Подстрекатели-социалисты грамотно распорядились всеобщей истерией и обернули ее против богатых. Чем могло обернуться известие о новом маньяке, не взялся бы предсказать никто.

– Мы обязуемся держать вас в курсе расследования, – младший оперативник отвела работника фирмы в сторону от источавшего праведный гнев полицейского мага. – Контакт у меня есть, с вами и буду связываться. Общегородская пневмопочта отправляется раз в сутки, но по закону мы имеем право пропускать каждый второй день. Не сомневаюсь, что Галлар этим правом воспользуется.

Она кивнула в сторону криоманта.

– Галлар, значит.

– Не пытайтесь навредить работе Галлара. Он великолепный специалист. Ищет и раскалывает преступников вдвое быстрее, чем оперативники Железного Города.

– Вы не относитесь к ним?

Девушка смутилась.

– Я не должна говорить об этом.

– И все же: вас послали из Верхнего Города? Из внешних районов?

– Оставлю этот вопрос без ответа.

– Значит, попал в яблочко. Буду благодарен за дальнейшую помощь, – Ги вложил в руку собеседницы вторую визитную карточку, на тот случай, если Галлар забудет вернуть первую. – Кстати, не отказался бы получить в ответ аналогичный дар доверия.

– Карточки у меня нет, – призналась полицейская.

– А имя? Их обычно дают детям при рождении. Вы не позабыли свое?

Она улыбнулась.

– Карпентье. Эйме Карпентье.

– Очарован. Что ж, мадемуазель Карпентье, надеюсь, что закон, требующий регулярно снабжать нас отчетами, в ближайшие сутки останется нетронут, и завтра я получу послание.

– Непременно.

Железный Город носит свое название по праву. Скрывая от солнца целые кварталы старой Лутеции, чтобы вознести над ними подобающие имперской столице белокаменные башни и многоэтажные дома, величайшие архитекторы своего времени возвели настоящую паутину металлических укреплений и перегородок. Колонны, поддерживающие здешний небесный свод – нижний купол Верхнего Города, – петляющие между ними тросы, полые трубы вертикальных путей, ржавеющие рельсы, по которым снуют влекомые животными трамваи, а с недавнего времени и здания, возводимые на месте разрушающихся – все это сотворено из металла. Примерно так могло бы выглядеть пристанище бога-кузнеца из классических мифов. Погребенный под новой столицей мир, где не было деревьев, камня и глины, оделся в сталь. Бронированное сердце Лутеции, пораженное нищетой и пороком, но все еще живое и бьющееся.

Камню и дереву в этом подземном городе отведены незавидные роли отживающих свое прищельцев из другого, более счастливого и свободного мира.

Ровно век и четырнадцать лет назад к власти в расколотой революцией и междоусобной войной стране пришел человек по имени Жозеф. Ему суждено было получить от сограждан сразу два прозвища: Жозеф Великий и Жозеф Вешатель. Вешателю удалось довольно быстро восстановить распадающуюся на части Эльвецию, вернуть армии боеспособность и отразить вторгшихся в страну соседей. Решающий бой, данный под Лутецией, завершился полным раз-

громом врага. К ногам Жозефа бросили штандарты трех полководцев, считавшихся светилами военной мысли. Так началось его двенадцатилетнее правление.

Жозеф не отличался особой скромностью. Уже спустя полгода Эльвеция из республики превратилась в империю, а новоиспеченный властелин короновался в кафедральном соборе Торжества Всевечного Отца. На Холме Элирия, самой высокой точке Лутеции, началось строительство императорского дворца, гигантской и уродливо-пафосной на просвещенный вкус городских снобов крепости. Главная башня Элирийского дворца стала самой высокой постройкой Старого Света и – со временем – символом столицы и страны. Но она же и предрешила судьбу кварталов Лутеции, располагавшихся кругом у подножия Холма.

Легенда гласит, что Жозеф, узрев несовершенство хаотично расположенных под стенами дворца-крепости жилых кварталов старого города, сказал одну лишь фразу: "Через год здесь не будет ничего, что напомнило бы мне об истребленном мною прошлом". Градоначальники впали в панику. Сжигать город они не решились из страха перед новой революцией, но и ослушаться императора не смели. Кому пришлось в голову скрыть неугодные Жозефу дома под верхним ярусом новых улиц, история умалчивает. Известно только, что над проектом трудились инженеры со всей Эльвеции, а также мастера из-за границы. Целый год горняки и металлурги работали лишь на создание колонн и перекрытий для реконструкции столицы.

Процесс строительства преследовали постоянные неудачи. Например, исхода жителей из постепенно закрываемого толстенными перекрытиями Железного Города, на который рассчитывали чиновники Лутеции, не случилось. Люди оставались жить в старых домах, так что было принято решение связать верхний и нижний города постоянно работающими лифтами – вертикальными путями. Дома же на окраинах Лутеции, строившиеся специально для переселенцев, пустовали. Впоследствии их обитателями стали приезжие из других городов и стран.

Несколько раз верхние ярусы не выдерживали веса строившихся на них зданий и обваливались. Несмотря на то, что помимо колонн Верхний Город поддерживался с одной стороны Элирийским Холмом, а с другой – бывшей крепостной стеной, не все проекты честолюбивых архитекторов оказались осуществимы. Тогда на помощь были призваны маги.

Да, существование Верхнего Города во многом обязано магии, хотя знание об этом многим доставляет дискомфорт. Ни один материал в мире, включая сталь, не способен выдерживать груз целого города без колдовской поддержки, и страшно представить, что случится, если чары, наложенные на укрепления Железного Города, прекратят функционировать...

Эту историю учил любой житель Эльвеции. Кто-то гордился ей, считая возведение Верхнего Города настоящим инженерно-магическим чудом. Иные стояли на позициях скептиков, утверждая, что Железный Город стал самым позорным символом самодурства и дискриминации собственного народа.

Коллеги называли бы Ги извращенцем, признайся он, что всегда находил в Железном Городе красоту. Что привлекало сюда молодого человека, еще несколько лет назад жившего на отшибе государства? Эстетика распада и втоптаный в грязь монумент человеческим устремлениям, стыдливо запрятанные под тротуары и проспекты Верхнего Города осколки прошлого, жемчужины старины, доступные лишь по-настоящему пытливому глазу, да и мало ли что еще... Не так-то просто предать забвению добрую половину города, развивавшегося и увеличивавшегося на протяжении пятнадцати столетий.

Всякий раз спускаясь в Железный Город, Ги старался узнать о нем чуточку больше, чем того требовало поручение шефа. От искушения совершить прогулку по незнакомому кварталу невозможно было удержаться и на сей раз. Он шел по погруженным в искусственный свет улицам, нарочно растягивая путь до вертикальных путей. Впрочем, насладиться прогулкой не получалось. Ги думал о Денн.

Криомант Галлар презрительно фыркнул из-под своей маски и отрицал сложность дела перед лицом работника фирмы, но внутренне он, как и Ги, понимал, что нестыковки в нем куда

больше, чем зацепок. Это и заботило Ги. Не то чтобы он слишком переживал из-за кончины нерадивой коллеги. Нет. Не болела душа и за фирму. Даже если неприглядная правда всплывет из мутных недр Железного Города, просочится сквозь решетки деловых кварталов и оседет на страницах газет, серьезного урона репутации шефа это не нанесет. Все шло своим чередом, но молодым человеком овладел азарт. Дело было в том, что он ненавидел неразгаданные тайны. Пока Ги ковылял мимо ржавых заборов и заточенных в плен строительных лесов особняков, внутренний голос с настойчивостью нашептывал, что полиция не справится с расследованием без... без чего бы? Или без кого?

Решение, которое он принял, ступая на подножку медленно движущейся кабины вертикальных путей, днем ранее напугало бы его. Но в тот момент Ги был уверен, что все делает правильно.

2.

Дельцы и информаторы

Эдмонд и Петер ван Рёки прославились на весь мир около пяти лет назад, выкупив у Швайского государства маленький северный остров Вейльмар. За зимний и осенний сезоны они превратили крохотный, не приносящий в казну шваев ни гроша дохода клочок суши в край мечты. Заснеженный островок расцвел огнями отелей и игорных залов. Ван Рёки поставили на извечную страсть Старого Света, карты и кости, и не прогадали. Вейльмар окупился в первый же год, на второй принес братьям десятки миллионов золотых крон, а на третий сделал их семью богатейшей на континенте. Промышленным магнатам и грандкомандорам наемничьих армий оставалось только раскрыв рот наблюдать, как пара предприимчивых выскочек из древнего, но обедневшего дворянского рода Вольных Земель наращивают влияние и приумножают капиталы.

В Лутецию они приехали, чтобы открыть первый игорный дом вне Вейльмара. Рискованное предприятие, сказал шефу Ги, услышав о скором визите ван Рёков, даже опасное. Эльветийская элита по праву считалась самой закрытой и консервативной на всей Ио, а то и во всем Старом Свете. Век потрясений, завершившийся всего тридцать лет назад, приучил лордов Эльвеции к недоверию. Ксенофобия, поселившаяся в салонных залах и дворцовых галереях, находила живейшую поддержку и у простолюдинов. Эльветийцы не забыли ни свержения Жозефа Вешателя, ни зверств гиберрийских солдат в годы Двадцатилетней войны, ни подавления второй революции. *Nos sommes seuls* – "Мы сами по себе", "Мы – одни" – еще никогда государственный девиз не был настолько популярен в стране, как в первые десятилетия нового века.

Способно ли было все это остановить ван Рёков? Ги полагал, что нет, поэтому шеф и поручил кураторство их проекта ему.

Ван Рёки совершенно не походили друг на друга. Старший брат, Эдмонд, был широкоплечим великаном, чьи волосы и борода закрывали не только лицо, но и добрую половину груди. Среди пышной растительности пыльное око могло бы различить щелочки глаз и крупный нос, с распухшей левой ноздрей. Щеки и подбородок Петера были гладко выбриты, лишь над верхней губой чернели щегольские усики; мягкие женские черты лица и огромные голубые глаза придавали ему странно порочный вид. Одинаковой была лишь одежда – строгие черные костюмы и безупречно белые рубахи.

На фоне этой необычной парочки шеф, славившийся своим эксцентричным образом модного толстяка-гедониста, выглядел странно обыденным и скучным.

– Ги Деламорре, – представил шеф. – Мой спец по тонким и рискованным делам. Предполагалось, что вас будет сопровождать он.

Петер ван Рёк смерил Ги заинтересованным взглядом.

– Необычайно рады знакомству.

– Взаимно, – Ги пожал братьям руки. – Прошу прощения за опоздание. Иные дела фирмы не решишь иначе чем личным присутствием.

– Добро, – прогудел Эдмонд. – Это свидетельствует о глубоком вовлечении ваших сотрудников во все аспекты работы, Шедерне.

Губы шефа сложились в кривую усмешку. Он приподнял над столом указательный палец: "Пока не встречай", но было видно, что он доволен ходом переговоров.

– С вашего разрешения я донесу до Ги содержание беседы. Господа ван Рёки сделали предложение о покупке одного из игорных домов Железного Города. Твоя задача – провести первичную разведку. Сходить, сделать ставки, выйти на хозяина, закинуть удочки. Два-три посещения – максимум.

Подчиненный пожал плечами, мол, что же в этом особенного.

– Не мучает ли вопрос, почему именно Железный Город? – спросил Петер.

– Риски меньше, аудитория неприветливая, – перечисляя, Ги постарался придать голосу небрежность, – экзотика для состоятельных людей и отдушина для местных. Ах да, и возможности расширения куда разнообразней, чем наверху.

Эдмонд еще сильнее сощурил свои щелочки.

– А у вас голова варит как надо, Деламорре.

– За это мне и платят.

– С нами этот принцип вполне работает, – понимающе кивнул Эдмонд. – Мы уже пообещали Шедерне щедрую оплату труда.

– Условие простое, – дополнил Петер. – Наше начинание не должно прогореть. Мы работаем, ваше правительство не цепляется к нам, мелкие неприятности решаются без нашего участия, а прибыль делится в очень вкусных для вас пропорциях.

Вот что значит деловая хватка. Просто, доходчиво и чертовски заманчиво! Но вот что стоит за этим "правительство не цепляется"? Логика подсказывала, что раз братья допускали такое развитие событий, методы их работы отличались от общепринятых.

– Какой игорный дом вы наметили?

– Вся собранная нашими агентами информация передана Шедерне, – Эдмонд кивнул на толстую папку на столе шефа. – Обсудите с ним. А мы уходим со сцены до вашего отчета.

Петер издал довольно противный смешок.

– Как в театральной комедии, Эд.

– Именно. Следующее появление под занавес. Со счастливым финалом. Иначе, – старший брат развел в стороны толстенные руки, едва не своротив с тумбы любимую шефову вазу, – миллионы крон утекут в руки специалистов другой фирмы. Порой все ошибаются в выборе партнеров.

– Только не в данном случае, – заверил Эдмонда шеф. – Можете положиться на нас.

– Тогда ждем. Срок – две недели.

– Как и договаривались, – шеф поднялся, чтобы проводить гостей. – Приятного отдыха в Эльвееци!

– Отдых? Это слово нам неведомо.

От шефа Ги вышел с большой папкой, набитой бумагами ван Рёков, головой, заполненной наставлениями и пожеланиями успехов, и планами на вечер. В последние, к величайшему сожалению, входили не вино и женщины, а информатор и игорный зал. С игорным залом все было ясно: первое посещение вряд ли могло обернуться неожиданностями, а вот информатор в планы фирмы не входил.

О Денн, криоманте и отчетах-раз-в-два-дня шеф слушать не пожелал. Ограничившись кратким "все в порядке" и кивком, он вернулся к рассуждениям о важности работы с ван Рёками и мечтам о золотых горах. Подобное безразличие играло Ги на руку. План был прост и понятен: разыскать убийцу самолично, сдать его охранной службе "Шедерне и партнеров" и получить прибавку к жалованию и всеобщее уважение. Для этого и потребовался Свен.

По долгу службы Ги частенько пользовался услугами информаторов, благо Лутеция не страдала их нехваткой. Большой город таит множество секретов. Каждый секрет – информация, за которую готовы платить; каждая маленькая тайна публичного политика – фонтанчик с золотоносной водой для умелого шантажиста; каждая удачная наводка – процент от награбленного. Словом, торговцы сведениями составляли высшую касту полулегальных работяг теневой стороны эльветийской столицы. Свен Касперссен считался одним из самых осведомленных информаторов города. И – что еще более важно – человеком, которого Ги мог бы назвать другом (на поверку таковых у агента юридических фирм очень мало, не больше, чем пальцев на руке, в которую попала разрывная пуля). К нему-то он и направился в первую очередь.

Свен жил в новом районе города. Расположенные с наружной стороны древних крепостных стен, надежно защищавших от жителей Железного Города, Новострой, они же внешние кварталы, представляли собой хаотичное нагромождение жилых домов самого разного возраста: от бараков времен Жозефа до приземистых многоквартирных доходных домов, возведенных меньше пяти лет назад. Логово Свена притаилось как раз посередине эпох. Здание, порожденное каким-то помешанным на античных храмах безумцем, состояло, казалось, из одних колонн. Они поддерживали массивный фронтон, толстыми обрубками торчали между этажей, высились у ограды, упираясь в хлипкое наверху ворота. С фасада дома взирали гипсовые мифологические бородачи и невероятно уродливые дельфины.

Поднимаясь по мраморной лестнице, Ги скрывал лицо платком. В доме стояла чудовищная вонь. Архитектор-любитель колонн, вероятно, удавился бы, узнав, что спустя полвека в залах с высокими потолками разместятся кухни беженцев-северян, а приватные комнаты станут ночлежками. Шваи, норье и кастарийцы бежали с родных земель не просто так. Молодая хищная держава Вестрайх год за годом крепла и росла, отвоевывая у слабых северных королевств все новые земли. Свен приехал из Водансхавна, самого южного порта Швайланда, осажденного, а затем и захваченного вестманнами десятилетие назад. В Эльвееции северяне приживались плохо, и местные власти установили жесткие ограничения на то, где могли селиться беженцам. Даже Свену, являвшемуся исключением из правил в плане адаптации, приходилось довольствоваться общим баракком.

Благодаря связям и деньгам Свен занимал отдельное помещение, некогда служившее жилищем прислуги. Два смежных зала, разделенных наполовину снесенной стеной, информатор оборудовал под штаб-квартиру. В одной половине он спал и хранил добро, в другой – принимал своих клиентов и разведчиков.

– Швайская кухня ужасна, – пройдя мимо открывшего дверь Свена, Ги развалился в большом кожаном кресле. – Пахнет, как на помойке. Вареная тухлая рыба! О чем вы вообще думаете, засовывая это в рот?

Обычное дружеское приветствие.

– О чем думают ваши женщины, засовывая в рот мужские причиндалы? – буркнул Свен.

– Тоже мне поборник морали!

– Целуя ее потом, ты как будто касаешься языком своего конца. И чужого в придачу, если совсем не повезет.

– Это если она рот не полоскала. Ты бы стал спать с женщинами, не моющими рот?

Свен пожал плечами. Ги не сомневался, что стал бы. Наградив Свена талантом информатора, торгаша и переговорщика, судьба начисто лишила его обаяния. Вдобавок он был чрезмерно толст, не следил за волосами и бородой, из-за чего те сбились в сплошной колтун, и был

склонен к выпивке. В его спальне стоял целый шкаф, забитый аквавитом и криевской водкой. В общем, не водись у Свена лишних монеток, которыми он с щедростью делился, женщины не обращали бы на него внимания.

– Выпьем? – швай выудил из-под рабочего стола бутылку с мутно-белой жидкостью. –

Только вчера из Брандчэпинга!

– Воздержусь. Рабочий день только начался.

– Да ну?

Свен запустил пятерню в бороду и поскреб подбородок.

– Напомни мне не пожимать тебе руку на прощание. Кто знает, что ты оттуда вытянешь?

Швай рассмеялся.

– Ага.

И тут же посерьезнел.

– А теперь выкладывай.

– Два дела, – привстав, Ги бросил на стол перед Свенем папку. – Это досье некоего игорного клуба "Рыбий Череп". Знакомая история?

– Мерзкое место. Хэль плачет по этому Рыбьему Черепу. И ребята его все – сплошной сброд, жестокий и глупый. Тхейрасха нанимает, причем самых оторванных, тех, которыми даже наемничьи армии брезгуют.

– Тем не менее, придется иметь с ними дело.

– Сочувствую, – усмехнулся Свен. – Черепа и его людей проще перестрелять, чем убедить в чем-либо.

– Ты говоришь о клубе так, будто он живой.

– А, так ты не в курсе? "Рыбий Череп" назван в честь владельца. Ну, то есть, Черепа зовут Черепом и заведение так же. Он тщеславный очень.

Слишком много черепов.

– А зачем он тебе? – Свен открыл досье ван Рёков и, посплюнявив пальцы, перелистнул несколько страниц. – Железный Город – плохая кормушка для фирм.

– Зато перспективная для дельцов. Игорный дом хотят выкупить.

Северянин покачал головой, откупорил бутылку аквавита и приложился к горлышку. По густой каштановой бороде потекла тонкая белая струйка. Сглотнув, он поморщился, отер рукавом рот и еще раз потряхнул патлами.

– Скверная идея. В Хэль только с такой отправиться.

– У меня нет выбора. Шеф платит не за посыл клиентов в Хэль.

– И что?

– И мне нужна твоя помощь.

Свен сделал еще один глоток.

– Сколько?

– Не обижу, дружище. Но только если дельце выгорит.

Швай перелистнул еще две страницы досье.

– Вот, – толстый палец ткнул в какую-то записку. – Читал внимательно? Кто бы ни собрал эти данные, свой хлеб он ел не зря. Тут говорится, что в "Черепе" каждый вечер не больше сотни посетителей. Это мало. А знаешь, почему?

Ги помотал головой.

– И вот они, – еще один тычок в досье, – не знают. Дело в том, что заведение открыто только для своих. Череп пускает поиграть только магов.

– Что?

– Он демонопоклонник, Ги, – сообщил Свен. – Практикующий колдун, хотя, похоже, силы у него нет. Он пытается окружить себя только теми, кому дана тайная власть. А чего пытается добиться, одному Отцу известно.

– Стоп, – Ги выставил ладонь. – Мне нужно попасть в игорный дом и – что еще лучше – переговорить с Рыбьим Черепом. Это вообще возможно?

– Будь это невозможно, я спросил бы не "сколько", а "не отправиться ли тебе в Хэль".

– Тогда каков план?

– Пойдешь не один. Есть у меня один знакомый в Железном Городе. В том, что он маг, сомнений не возникнет даже у ребят Черепа. А раз он новенький, пустят и тебя, чтоб не упустить такой лакомый кусочек.

Свен с гордым видом постучал себя по груди, мол, смотри, что придумал. Ги осталось только благодарно улыбнуться и задать следующий вопрос.

– А что ты знаешь про порностудии Железного Города?

– Откуда такой интерес? Ни за что не поверю, что у Шедерне появились партнеры и среди этих ублюдков.

– Ты прав. Это личный интерес.

Ги рассказал Свену о Денн. Конечно, шеф не одобрил бы этого, но во-первых, информатор все равно узнал бы об убийстве, а во-вторых, услышав новость от знакомого, он потерял возможность перепродать ее потенциально опасным для фирмы клиентам. Дружба – великая вещь, даже в таких скользких и циничных делах, как торговля информацией.

– Похоже на Мартена Одервье, – предположил Свен, выслушав рассказ. – Он промышляет самым дешевым визионным развратом. Снимает только в Железном Городе, визоры у него поголовно дряхлы и скудоумны, да и на мужские роли подбирает абы кого.

– И найти его...

– Легко, – Свен достал чернильный карандаш. – Напишу тебе адресок. Только не сбрасывай со счетов полицию. Наверняка они уже сложили два и два со своим информатором и получили ровно ту же сумму, что и мы с тобой.

– Буду осторожен.

– Постарайся уж. Тебе еще процент со сделки по "Черепу" отдавать.

Второй человек с совершенной деловой хваткой за один день.

– Отдам, не волнуйся. Назначь мне встречу со своим магом на вечер или на завтра.

– Дам тебе знать, – Свен сунул листок с адресом Мартена Одервье в папку. – А теперь иди давай, работай.

Железный Город раскрыл холодные объятия второй раз за день. Мартен Одервье обитал в самом сердце лабиринта, в который превратились беднейшие из похороненных районов. До указанного Свенем дома одинаково далеко было идти от любых из вертикальных путей: строить спуск в трущобы считалось делом и невыгодным, и опасным. Так что, трясясь в кабинке – на этот раз вместе с потасканного вида женщиной в ярко-рыжем парике – Ги уже строил в уме маршрут блужданий по погруженному в полумрак гетто.

– Не к нам едете? – спросила женщина.

– Смотри, где вы находитесь.

– "У красного дракона". Лучшие девочки только там, – шлюха (а кем же еще она могла оказаться?) завлекательно огладила пышные бедра.

– Лучшие девочки – наверху.

Продажная женщина обиделась и замолчала, но обращать внимания на ее тонкие чувства Ги уже не мог, да и не желал. Трудовой день с его бесконечной беготней серьезно вымотал его, и в глубине души он искренне надеялся, что Свен не отыщет знакомого мага, а поход к Рыбьему Черепу перенесется на следующий день.

Трущобы, в которых скрывался Одервье, некогда носили звучное название: Фиолетовая Река. Река, собственно, прилагалась к названию в качестве подарка – грязная, выцветшая от

долгого пребывания во тьме и населенная подземными саламандрами и прозрачной рыбой с бритвенно-острыми зубами и плавниками. Назвать ее Фиолетовой решился бы теперь разве что отчаявшийся от отсутствия в мире красоты романтик. Жители открытых районов также постарались забыть о ее старом имени, так что Фиолетовой Рекой она была лишь в Железном Городе. Вытекая из него сквозь колоссальные шлюзовые ворота в старой крепостной стене, она меняла название на Ронну. Истоки же Ронны-Фиолетовой терялись где-то в горах далеко-далеко от Лутеции, на границах с Вестрайхом.

В Лутеции Фиолетовая разливалась медленным, но довольно широким потоком, так что в те времена, когда судостроительство еще приносило столице прибыль, в прибрежных районах селились мастера-корабелы, плотники, ткачи парусов и прочие ремесленники, кормившиеся корабельным промыслом. Со временем верфи Лутеции проиграли конкуренцию приморским городам, где строительство судов было поставлено не в пример лучше; а добывающий удар нанесло изобретение металлических кораблей. Захиревшие корабли попытались приспособиться к новым временам, строя плавильни и пушечные мануфактуры, но как раз в этот момент Жозеф-Вешатель отрезал их от света, причем вместе с Фиолетовой, на которой прекратилось всяческое судоходство.

Эти удары судьбы превратили Фиолетовую Реку в гигантскую клоаку. Забытое и покинутое население нашло утешение в алкоголе, опиуме и бесконтрольном размножении, очень скоро вылившемся в настоящую катастрофу. Перенаселение повлекло бунт, подавленный при помощи криомантов. По периметру Фиолетовой Реки возвели стену и выставили патрули. В общем, если Железный Город считался самой темной частью Лутеции, то Фиолетовая Река по праву носила звание гетто в гетто, пристанища парий, отверженных обществом.

Ги шел по набережной, взирая на замершие у пристаней-кладбищ остовы кораблей, баржи, застроенные домами из гнилых досок и ржавых железных листов, и мосты, давно превратившиеся в палаточные лагеря. По другую руку высились дома некогда знатных корабелов, ставшие общежитиями и притонами наркоманов. Каждый встречный прохожий считал своим долгом сплюнуть прищельцу из Верхнего Города под ноги или прошипеть вслед нечто злое. Даже дети, игравшие безо всякого надзора прямо на разваливающихся под действием медленно грызущих их вод причалах, встречали Ги колючими взглядами и по-волчьи скалили безупречно желтые зубы. От нападения их удерживал, видимо, только пояс с револьвером, который молодой человек одолжил у Свена.

Свернув в переулки, Ги мгновенно потерялся в лабиринте разрушающихся старых зданий, вынесенной на улицы мебели, потухших фонарей, сырого камня и воняющего дерева. Идти получалось только по мостовой: на тротуарах спали нищие и больные. Над головой смыкался потолок из хижин, строившихся прямо из верхних этажей каменных домов. Жужжали мухи и лаяли бесхозные псы, непонятно как выжившие в этом районе, где не брезговали шашлыками из крыс и жареными тараканами.

Жилище Одервье он нашел лишь благодаря интуиции. Номера домов уже не имели никакого значения у Фиолетовой Реки, и, выйдя на нужную улицу, Ги толкался во все двери подряд в надежде на успех. Удача благоволила ему: четвертая дверь подалась, и он попал в место, которое мгновенно определил не иначе как логово сутенера.

Кто стал бы прятать в царстве нищеты квартиру с красными фонарями, диванами с бархатной обивкой и новехонькими круглыми столами, ломившимися выпивкой, причем за такой ненадежной ширмой, как одна лишь трухлявая деревянная дверь? Либо круглый дурак, либо чертовски уверенный в себе человек. К какому типу принадлежал Одервье, только предстояло выяснить.

– Вы актер или хотите девочку снять? – к Ги подошла симпатичная брюнетка в нарушающем даже самые либеральные нормы приличия платье.

– Я к Мартену Одервье.

– Актер, значит, – безапелляционно заключила распутница. – Второй этаж, красная дверь.

Разгоняя руками опиумный дым и отбиваясь от не в меру настырных коллег привратницы, Ги миновал зал первого этажа, поднялся по отчаянно скрипевшей лестнице и нашел единственную дверь, обитую алой кожей.

Возраст Одервье клонился к семидесяти, и методы ведения дел он, видимо, почерпнул из сочинений экономистов времен своей давно ушедшей молодости. Кабинет Одервье разительно отличался от опиумного зала. Куда делась бархатная мебель? Куда пропали обольстительницы в дорогих нарядах? Порноделец сидел в окружении голых стен на единственном стуле за единственным столом – колченогом и ветхим. Перед ним стоял ящик-визор, из которого доносились звуки яростного совокупления.

– Чего надо?

– Мои пожелания весьма многочисленны, – начал Ги. – Однако мне ведомо, и в чем нуждаетесь вы. В новой актрисе, взамен убитой. И визор не повредил бы, так как один из ваших повредился умом. Так?

Намеки подействовали на Одервье самым неожиданным образом. Он громко расхохотался.

– Вы о Ласточке-Денн? Нет-нет, это не моя крошка.

– Но в историю вы посвящены.

Одервье постучал по визору.

– Я просматриваю всех конкурентов.

– И знаете все вплоть до псевдонимов актрис?

– Профессиональная обязанность, – порноделец улыбнулся беззубым ртом. – Знаете, почему именно Ласточка? Она спускалась из Верхнего Города, чтобы свить гнездышко на лето, а потом возвращалась тратить заработанное в теплых краях.

– И у кого она работала?

Улыбка Одервье превратилась в гримасу отвращения.

– Если бы я знал, этот человек был бы давно мертв.

– Поясните?

– Не стану. Кто вы вообще такой?

– Я тот, с кем вам не хотелось бы иметь разногласий, – Ги похлопал по кобуре. – Связи наверху, длинные руки, а теперь еще ваш адресок в кармане. Может, попробуем решить вопрос полюбовно?

– Забавно, – Одервье устало потер глаза. Судя по всему, просмотр порнографии не шел старику на пользу. – Подобные угрозы я слышу уже лет пятьдесят, но пока что дальше них никто не пошел.

– Я упорный малый. Может, мне стоит просто пристрелить вас?

– Может быть. Но ведь это не приблизит вас к цели.

– А, может, стоит заключить сделку?

Одервье впервые посмотрел на Ги с интересом.

– Предлагайте.

– Я найду человека, снимавшего Денн, и сообщу вам, где он. А вы дадите мне след.

– Наивным было бы полагать, что я не пытался отыскать главного соперника.

– Равно как и недооценивать любую помощь.

– Что ж, – порноделец знакомым жестом потер глаза, – вреда это точно не принесет.

Предупреждаю сразу: то, что вы услышите, скорее всего, придется вам не по нраву.

– Сегодняшний день уже мало что испортит.

– Так вы ее видели, Ласточку-Денн, – догадался старик. – Жуть, верно? А представьте, каково мне. Я видел всех их.

– Всех?

– Девять, если быть точным. Всех разделили перед визорами, как свиней в мясницком ряду.

– И ни одно из преступлений не всплыло?

– Сегодняшнее тоже не всплывет, – с уверенностью заявил Одервье. – Думаете, полиция не пыталась найти концы? Они из кожи вон лезут, чтобы поймать убийцу, а все тщетно. Он слишком хитер. Но и разглашать такие зверства... нет. Конечно, они на это не пойдут.

– Как убийца это делает?

– Серпами. Два таких, знаете ли, страшных кривых серпа. Сам он всегда в сером комбинезоне и с широкой восточной шляпой на голове, как в Кхай-наме или Че-Тао носят. С вуалью.

– Заметная примета.

– А толку?

Старик был прав. Вряд ли маньяк стал бы разгуливать в соломенной шляпе с вуалью по улицам Лутеции.

– А как же визоры и актеры, которые должны были сниматься?

– Спросите чего полегче. С такими изысканиями вам только в полицию.

– Но ведь включая визор, такой профессионал, как вы, уже понимает, кто будет актером.

Или даже знает наперед.

– Иногда, – уклончиво сказал Одервье, равнодушный к лести Ги.

– Партнер Денн. Вы его знаете?

Порноделец снова полез пальцами в глаза. На этот раз он тер их особенно долго.

– Проверьте Марселя Раву. Он перебивается случайным заработками от фильма к фильму и уже несколько раз появлялся на экране через машину фантазий бедолаги Жаки.

– Жаки – это визор, снимавший Денн?

– Он самый. Очень толковый молодой человек. Полностью отдает себя съемкам.

– Отдавал, – поправил Ги.

– Он вернется, вот увидите, – ощерился Одервье. – Кроме трансляции дешевого разврата, он ничего в жизни не умеет, да уже и не научится.

– Или сойдет с ума.

– Тогда его выкупят из желтого дома и все равно заставят снимать. Визоров у нас в кругу посвященных не так уж и много.

– А как вы вообще узнаете, какую машину фантазий ловить?

– Письма, звонки, пневмопочта. На нас работает сеть посыльных и аудиографистов. Парни на побегушках распространяют информацию, собирают деньги с клиентов, помогают договариваться с актерами. Аудиографисты контактируют с состоятельными клиентами. В обмен на номер сигнала машины фантазий мы берем денежки, вот и вся схема нашей работы. Просто, как день.

– То есть, кто-то из посыльных мог видеть человека, организующего кровавые съемки?

– Не знаю. Я вообще не знаю, как он набирает актрис и визоров. Жаки и Ласточка – кадры, с которыми ни я, ни кто-либо из знакомых мне не взаимодействовал.

– А восемь визоров, снимавших предыдущих жертв?

– Работают. Да вот только я их уже не смотрю. И полиция тоже, к слову. Убийца не повторяет свой фокус дважды с одним и тем же визором.

– А сами они полиции твердят, что ничего не знают, – закончил Ги.

– Естественно.

– Как же он нанимает их?

– На этот вопрос ответите вы, если, конечно, сумеете докопаться до истины.

Да уж. Картина, изначально представлявшаяся туманной, обратилась в одно большое белое пятно с красным вопросительным знаком посередине. Впрочем, Ги полагал, что мог бросить это бесплодное расследование в любой момент.

– Мне нужны имена всех актеров и актрис, которых снимал Жаки.

– Я вам не бюро каталогов, – проворчал Одервье.

– И все же.

Собеседник Ги выдвинул ящик стола, взял оттуда очки, бумагу и карандаш.

– Кого запомнил, того напишу, учтите. Могу запомнить иное имечко.

И принялся писать.

– На многое не рассчитывайте, – бубнил старик, выводя корявые буквы. – Обычно они не любят распространяться о своих связях.

– Упоминание нежного любовника с серпами убедит их. Не думаю, что вы один наблюдаете за конкурентами.

Железный Город Ги покинул за полночь. Лениво поскрипывавшие вертикальные пути доставили его напрямик на проспект, где он снимал комнату. Пара сотен шагов – и он достиг подъезда. Устало помахал рукой консьержке, поднялся на третий этаж, отпер дверь, стащил ботинки и прямо в одежде повалился на кровать. Голова шла кругом. Не слишком ли много ты взвалил на свои плечи, дружище, спросил сам себя Ги. И тут же дал ответ: однозначно нет. Чтобы добиться успеха в столице, нужно сделать работу своей единственной госпожой. Ей должно посвящать все время и ей отдавать все силы. Выполнять поручения и проявлять инициативу. Не допускать ошибок или умело скрывать уже совершенные. Вставать до восхода солнца и ложиться, когда ноги сводит от усталости. Так – и никак иначе, иначе зачем даже пытаться?

Раздевшись, Ги побросал все вещи на пол. Никакого желания развешивать их в шкафу он не обнаружил и решил не мучиться. Глоток бренди из припрятанной под подушкой фляги – и молодой человек растянулся под одеялом, наслаждаясь ласковыми объятиями одеяла. Женщина подошла бы куда лучше, но за ее неимением приходилось довольствоваться малым.

Второй год в Лутеции. Десять месяцев работы на Шедерне. Чего он добился за это время? Многого, если сравнивать с тем, что было в Порт-Анджане: уютный уголок вместо затерянной посередине тростниковых плантаций хижины, стабильная плата за услуги вместо постоянных отговорок и отсрочек жалования, наконец, сносная погода вместо палящего экваториального солнца и сонмищ жужжащих чумных мух. С другой стороны, копить деньги Ги так и не научился, а лакомый для многих пост помощника шефа фирмы по деликатным вопросам уже не приносил удовлетворения. Он застрял на одном месте. Возможно, именно поэтому и решил взяться за самовольное расследование убийства Денн Ларе, или Ласточки-Денн, как кому будет угодно. Шанс обставить полицию и доказать свою незаменимость – вот чем на самом деле было для Ги злодеяние человека в соломенной шляпе.

Он уснул, размышляя о перспективах и трудностях. Эти мысли – частые гости в его мозгу – помогали сосредоточиться и одновременно отключиться. Зная, что тем самым изводит себя, Ги перематывал в воображении бесчисленные сценарии побед и поражений, которые потом повторялись во снах. И так каждую ночь.

3. Рыбий Череп

В штаб-квартире фирмы у Ги был свой стол. За ним он сидел очень редко. Особые поручения шефа редко решались с помощью печатной машинки и аудиографических звонков, так что большую часть дня специалист по щекотливым вопросам проводил вне стен конторы, а на

столе у окошка росла и ширилась гора посланий, пневмописем, извещений и прочих папок. Порой их скапливалось так много, что на ближайшем подоконнике начинал расти второй курган.

Офис "Шедерне и партнеров" занимал целое здание. Шеф не любил делиться. Сотрудников в фирме было не так много, поэтому часть кабинетов пустовала. В архивах все выглядело относительно пристойно. Папки хранились по две-три на полку огромного шкафа. Совсем по-другому выглядели залы, в которых работали клерки. Коллеги тащили в штаб-квартиру всякий хлам, который по каким-то причинам не желали хранить дома. В общем, нижние этажи "Шедерне" тонули в бумажном хаосе и представляли собой маленькую преисподнюю аккуратиста. Стоит ли говорить, что важных гостей туда не пускали, а стекла лифта по велению шефа замалевали жизнерадостной лазурной краской.

В свое время Ги отказался от отдельного кабинета. Ему нравилась компания. Мирти и Хилльбрэнд, младшие делопроизводители "Шедерне и партнеров", с которыми он общался чаще всего, беспорядка не выносили, но с удовольствием подбегали поболтать, выдайся у них минутка свободного времени.

Когда Ги явился на службу вовремя и чинно уселся за стол, вызвав удивленные взгляды обретавшихся по соседству коллег, его интересовало всего два послания. Одно из них обнаружилось сразу: сине-серое клеймо на пневмопочтовом цилиндре могло быть проставлено только в полицейской канцелярии. Записку от Свена пришлось поискать, но и она нашлась довольно быстро – смятый клочок грязной бумаги, засунутый в треснутый цилиндр.

Свен, как и обычно, писал по делу и без лишних деталей: "Полдень. Четвертые вертикальные. Имя Пеллий". Поистине исчерпывающая информация, способная поставить в тупик любого не знакомого со Свенем получателя, его другом воспринималась отлично. Пеллий так Пеллий. Вертикальные – значит, вертикальные. В том, что он узнает мага, сомнений у Ги не было: думай Свен иначе, он потрудился бы дополнить письмо необходимыми подробностями.

Выбросив в корзину для мусора письмо Свена вместе с пневмоцилиндром, Ги открыл отчет Эйме Карпентье. Красивый бланк, украшенный гербом и прошитый голубой нитью для удостоверения подлинности, был исписан вручную, причем с обеих сторон. Приятно пораженный столь ответственным отношением оперативницы, Ги приступил к изучению документа.

"Гражданин Деламорре, – писала Карпентье, – прежде всего хочу принести извинения от лица полицейского управления (уч. 7 по центральным кварталам ВГ) за неподобающее поведение должностного лица, коим является старший маг-оперативник Галлар. Уведомляю, что согласно моему ходатайству на рассмотрение командующим офицером уч. 7 Д.Д.Лавуарр вынесено предложение о замене ответственного оперативника по делу У98-002 (убийство гражданки Д.Ларе)".

Умная девушка, подумал Ги. Она прекрасно понимала, что с фирмой в лице уполномоченного представителя связываться опасно. Пусть даже Галлар останется при деле (а надеждой на его отстранение Ги себя и не тешил), подобный жест одновременного уважения и покорности производил приятное впечатление.

"По состоянию на вечер дня, предшествующего отправке письма, произведены следующие оперативные процедуры: опрос свидетелей, осмотр места преступления с последующим переносом доказательств в управление, поиск потенциально замешанных лиц. Дальнейшие сведения будут поступать в ваш адрес согласно графику, определенному старшим магом-оперативником. Ассистент-оперативник уч. 7 Э.Карпентье".

На этом заканчивался официальный текст, написанный с одной стороны бланка. С другой крупными буквами, начерканными в явной в спешке, было выведено следующее: *"Все не так просто. Требуется содействие. Жду вас с 6 до 9 вечера в холле отеля Трансконтиненталь. ЭК. Письмо уничтожьте. Не имею иной возможности связаться с вами, не вызывая подозрений. Только отчеты не просматриваются"*.

Да уж, похоже не одного Ги дело Денн задело за живое.

До полудня оставалось четыре с половиной часа, так что Ги поднялся к шефу, чтобы доложить о предстоящей встрече с Пеллием и послании Карпентье. Начальника он застал в беспокойстве. Тот расхаживал по кабинету взад-вперед и остался безучастен, даже когда Ги сказал, что нашел лазейку в тайный игорный клуб магов.

– Ты читал сегодняшний "Petit Lutetien"? – рявкнул шеф, выслушав о подвигах прошедшего дня.

– Я его вообще не читаю. Некогда.

– А зря. По твою шкуру тоже придут, если этот придурок де Валансьен получит большинство в Генеральных Штатах, – Шедерне с остервенением рубанул ладонью воздух. – Социалисты уже подмяли под себя журналистов, а завтра что? Начнут городить баррикады?

Ги подошел к столу шефа и взял газету. На первой полосе, сразу под набранным витиеватым шрифтом названием, красовалось интервью с лидером Партии Справедливости и Равенства Филиппом де Валансьеном. Статья была озаглавлена с присущим "Petit Lutetien" нервнопатриотическим пафосом: "Де Валансьен: если народ обвинит власть, я не выступлю ее адвокатом".

– Бред сумасшедшего, – молодой человек пожал плечами. – Партия Справедливости – плоть от плоти системы. Когда она выступала в другой роли?

– Когда у нее было меньше сотни представителей в Штатах, – отрубил шеф. – А сейчас Канкур передает, что после предстоящих выборов социалисты прорвутся в представительское большинство. Мирти по своим каналам вытащил число в четыреста тридцать мест. Это позволит им проводить законы, не оглядываясь на другие партии. Доигрались, идиоты.

– Кто доигрался?

– Все. Его Величество и премьер в первую очередь. Их заставят принимать реформы. А кто от реформ пострадает?

Ги не знал.

– Капитал, вот кто. Я, Канкур, другие наши друзья-соперники. Все. Даже железнодорожники и частные армии. Все, кто кормит государство налогами, начнет кормить еще и армию бездельников с Фиолетовой Реки и разоряющихся фермеров.

– Чем это отличается от банального повышения налогов?

– Всем. Например, нас заставят принимать отребье в качестве сотрудников, отправлять часть заработка на пенсию и заниматься тому подобным бредом, которым только социалисты и завоевывают голоса. Если хочешь, я сведу объяснение к трем словам. Выживут. Не. Все.

Ги не был согласен с шефом, но спорить не стал. Шедерне продолжил бы защищать систему, позволившую выстроить крупнейшую в стране юридическую фирму, его же помощнику, не имевшему при этой системе шансов на схожий успех, грядущие перемены казались временем новых шансов пробиться под солнце славы и богатства. Более того, де Валансьен действовал исключительно грамотно и не боялся выступать против монархистского большинства. Отважный и справедливый политик вызывал симпатию.

– Выступление де Валансьена перед горожанами, – постановил, наконец, Шедерне. – Какие-то дебаты с партией премьера и другими политическими труппами. В четверг на площади Сен-Луи. Будешь там, все выслушаешь, намотаешь на ус и доложишь о настроениях толпы. Любые другие поручения, включая дело ван Рёков, на этот день отложишь.

– Не лучше ли послать Мирти? Или Хилльбрэнда?

– Я их в задницу скорее пошлю! – взорвался шеф. – Они ни на что, кроме переключивания бумажек, не способны. Мне нужны зоркие глаза и работающая голова. И тогда, и сейчас. Все, с глаз моих долой!

Жан-Франк Мирти был одним из немногих сотрудников фирмы, вызывавших у Ги подобие уважения. Он обладал собственным взглядом на жизнь, которым не стеснялся и не боялся делиться. Свое мнение он отстаивал до последнего, даже в спорах с шефом. При всем этом он жутко боялся боли, крови, темноты (в чем однажды признался спьяну), бродячих собак и подхватить опухоль в животе. Его худое лицо, наполовину скрытое очками с затемненными линзами, находилось в постоянном нервическом движении. Унять тик мог только алкоголь, и именно с набравшимся Мирти приятнее всего было общаться.

– Что нового?

Оторвавшись от бумаг, Мирти поднял голову, дернул щекой (grimаса, означавшая приятное удивление) и протянул приятелю руку.

– Шеф уже послал тебя шпионить за де Валансьеном?

– Только что. С чего это он так разволновался?

– Ты же его знаешь. От идеи к идее, от одной паранойи к другой.

– А ты еще и провоцируешь. Откуда данные по Штатам?

– Знакомства, – уклончиво ответил Мирти. – Но информация точная. Через месяц с лишним социалисты прорвутся в Штаты, и этого не изменить. Эпоха перемен, старина.

– Понятно. Составишь мне компанию в четверг? Все-таки, ты у нас главный знаток политических веяний.

Мирти покачал головой.

– Другие задачи, старина, уж не обижайся. Не успею к концу недели – шеф голову отвинтит.

– Без обид.

– Вот и здорово, – повеселел Мирти. – Если желаешь, сходим выпить в воскресенье. Расскажу тебе, что думаю о том, что наговорит де Валансьен.

– Надо подумать.

– Подумай и соглашайся, – глаз Мирти задергался, что свидетельствовало о волнении. – Лучшего собутыльника у меня в этом проклятом городе нет.

У Ги был идеальный собутыльник в лице Свена, так что он не мог сказать того же самого, поэтому просто улыбнулся и хлопнул коллегу по плечу.

– И еще, – продолжил Мирти, и веко его затрепетало сильнее, – с тебя рассказ о Денн.

К чему бы это?

– Откуда такое любопытство?

– Я одинокий человек, – сказал Мирти вполголоса. – Я знаю о других жертвах. Знаю и о том, что шеф не предпримет никаких шагов к раскрытию убийства, а вот ты, напротив, не оставишь этой истории без развязки.

– Возможно. Но какое это имеет отношение к твоей персоне?

– До воскресенья всего пять дней, старина. Потерпи немного.

Кивнув, Ги оставил Мирти. Он стал уже вторым сотрудником "Шедерне и партнеров", выказавшим равнодушие к судьбе Ласточки-Денн. И четвертой стороной, заинтересованной в расследовании.

Транспортная система Верхнего Города работает без сбоев, как Кантонские часы. Трамваи, omnibusы, паровые кареты и даже рикши на разноцветных велосипедах не знают ни минуты покоя в этом колоссальном муравейнике. Ни одной частной кареты в Верхний Город

не пропускают – такой обычай сохраняет силу уже добрых полвека. Центральная часть Лутеции содержится в идеальном, можно сказать, нездоровом порядке. Все здания обезличены, все улицы пересекаются под идеально прямыми углами (с высоты птичьего полета город напоминал бы одноцветную шахматную доску), дворы-колодцы имеют одинаковую площадь, и даже театры и музеи практически неотличимы: они выстроены по единому проекту в псевдоклассическом стиле. Не читая таблички и вывески, в Верхнем Городе проще простого заплутать. Монотонность, чистота, скука – три левиафана, влекущие колесницу Лутеции сквозь последние десятилетия. Несмотря на кипучую деловую жизнь, на то, что все судьбоносные решения принимаются именно здесь, на закованных в сталь склонах Элизийского холма, Верхний Город создает впечатление пустого и праздного, детища прихоти и гордыни. Величие, на которое рассчитывал Жозеф-Вешатель, оказалось слишком стерильным и вымученным. Тем не менее, свою задачу Верхний Город выполняет. Государственные и деловые машины функционируют исправно, снабжая Эльвещию и законами, и деньгами.

Выбравшись из паровой кареты возле терминала вертикальных путей, Ги моментально узнал среди толпившихся у касс людей Пеллия. Только волшебник в просвещенный век мог выглядеть настолько гротескно. Бритый наголо мужчина с поросшими черной щетиной щеками был облачен в ярко-фиолетовый костюм с жилеткой и бабочкой. Под мышкой он держал папку, а пальцами другой руки неспешно вращал трость с серебряным набалдашником в виде львиной головы.

– Мэтр Пеллий.

Маг взглянул на Ги, как на таракана.

– Не собираюсь с вами знакомиться. Услугу оказываю не вам, так что проследуем в ваш игорный дом, где разойдемся.

Такой план вполне устраивал Ги. За время совместного путешествия Пеллий не проронил больше ни слова. Однако даже без разговоров молодой человек изрядно повеселился, наблюдая за поведением мага. В кабине путей и Железном Городе тот старался не касаться ничего руками, брезгливо морщил нос при виде встречных попрошаек, а в трамвае отказался садиться на недостаточно чистое по его мнению откидное кресло и стоял всю дорогу, балансируя и едва не падая при поворотах и остановках. Судя по всему, в Железном Городе он если и бывал, то очень редко и то по крайней нужде. Интересно, размышлял Ги, на какой такой крючок подсадил столь возвышенного господина Свен?

Заведение Рыбьего Черепа было видно издали. Бывший театр, находившийся по соседству с самым крупным из магических рынков, обвивали гирлянды зачарованных светящихся камней. На стенах висели плакаты, обещавшие "несказанные выигрыши", "неописуемо изящных танцовщиц для услады глаз", а также "полынный ресцент полкроны за стопку". Над входной дверью раззявила зубастую пасть гипсовая щука. На страже этого царства дорогих развлечений стояли двое громил в белых полумасках.

Вместе с магом Ги пропустили без лишних вопросов. Едва ступив за порог, Пеллий демонстративно повернулся к спутнику спиной и пошел по своим делам, если таковые у него были. Ги же остался предоставлен самому себе. Разумеется, стоило бы заявиться к Рыбьему Черепу вечером, но выбирать не приходилось.

Игорный зал, прежде бывший зрительным, поражал воображение. Наклонный пол превратили в подобие гигантской лестницы, каждая из ступеней которой предлагала свои игорные столы – для карт, костей, фишек. Колеса фортуны и рулетки в ожидании готовых просаживать деньги посетителей прятались под зеленой тканью. Барная стойка, представлявшая собой гигантскую кость – нижнюю челюсть левиафана – также пустовала. Сцена продолжала выполнять свои прямые обязанности: группа рабочих возводила на ней декорации для ночных танцев. Зал не был совершенно безлюден: за одним из столиков для игры в кости сидели два человека в черном. На соседней ступени пятеро женщин громко выясняли, кто подсунил в

колоду лишнего туза. На одном из балконов, непонятно зачем оставленных со старых времен, Ги заметил высоченную фигуру колдуна тхейрасха, представителя загадочной нечеловеческой расы, жившей далеко на востоке. Судя по виду, с которым тхейрасха осматривал зал, здесь он выполнял роль блюстителя порядка.

Так вот оно, то самое отребье гордой расы, о котором упоминал Свен.

Рыбий Череп сохранил роскошное убранство столетнего театра. Люстра, росписи на потолке и стенах выглядели действительно старыми и изысканными. Сцены из жизни античных богов и героев, отделенные одна от другой зарослями искусно выписанной изумрудной листвы, сходились в самом центре потолка, где восседал на троне из слоновьих бивней древний Владыка Грома. Пустые глаза верховного божества взирали на раскинувшееся под его стопами царство жадности, узкие губы приоткрылись в насмешливой гримасе.

– Впечатляет, да?

Ги вздрогнул и перевел взгляд с Владыки Грома на нового собеседника. Перед ним стоял Рыбий Череп. Ги понял это сразу, благо хозяин игорного дома полностью соответствовал своему прозвищу. Лысую голову Рыбьего Черепа покрывала сине-зеленая татуировка, напоминавшая блестящую чешую. В ушах и носу торчали костяные серьги. Шея и плечи, видневшиеся из-под открытой майки, были расписаны морскими девами, левиафанами и кораблями с драными парусами. Любитель художеств по живой коже смотрел на гостя внимательно, словно подозревая незаконное вторжение, но без опаски и враждебности.

– Барокко первой династии?

– Именно, – кивнул Рыбий Череп и замолчал, словно не желая продолжать столь содержательный диалог.

– Не ожидал увидеть подлинную роспись в таком месте.

– Искусство, – многозначительно произнес Рыбий Череп, – вечно.

– Только не в наши бешеные времена. Ги Деламорре, если позволите.

Собеседник сжал ладонь Ги в стальном пожатии и предоставил ему право говорить дальше.

– Возможно, вы почувствовали, что я не совсем вписываюсь в аудиторию ваших обычных гостей.

По правде сказать, Ги совсем не рассчитывал на встречу с хозяином игорного дома в первое же его посещение. Папки ван Рёков он открывал только чтобы отыскать адрес, а сведений, полученных от Свена, могло и не хватить для серьезной беседы.

– Я не маг. Я делец, работник одной фирмы Верхнего Города.

Рыбий Череп махнул рукой, приглашая следовать за ним. Усевшись на край сцены, он похлопал рядом с собой. Ги опустился на холодное дерево.

– Сделка? – спросил Рыбий Череп.

– Партнерское предложение, предпочитаю называть это именно так. Мой наниматель – очень влиятельный и богатый человек.

– Имя?

– Я связан обещанием не раскрывать тайну личности. По крайней мере, до получения согласия на переговоры.

– Неинтересно, – Рыбий Череп спрыгнул со сцены.

– А что изменило бы имя?

Татуированный склонил голову на бок и закатил глаза, как будто объясняя нерадивому ученику элементарный урок.

– Имя – власть, – сказал он.

– При всем уважении к вашим воззрениям, лояльность слову и тайне фирмы значит для меня куда больше.

– Твое дело.

– А вы привыкли искать магию во всем, даже в именах? – соскочив с жесткого сидения вслед за Рыбьим Черепом, Ги поравнялся с ним, стараясь подстроиться под широкий шаг. – Может, доверим наши разногласия самому беспристрастному и могущественному волшебнику мира?

– А именно?

– Случаю. Сразимся за одним из ваших столов? Выиграю я – и вы меня выслушаете.

– А проиграешь? – Рыбий Череп остановился, скрестил руки на груди и уставился на Ги своими белесыми глазами.

– Ваши условия?

– Услуга.

– Я не готов пойти на всякую услугу. Пусть она не будет связана с убийством, воровством или клятвопреступничеством.

– Идет.

Они расположились за столом, покрытым зеленым сукном, и Рыбий Череп достал деревянный стакан, в котором гроыхали кости.

– Комбинации знаешь?

Ги кивнул. Играть он начал еще мальчишкой. За покером с работниками с плантации, на которой он вырос, скоротали не одну ночь.

– Два броска или усложненные правила?

Татуированный человек показал два пальца. Потом протянул стакан. Ги потряс его, хлопнул о стол, и, приподняв, открыл пять кубиков, три из которых показывали четверки. Он сгреб два других, помотал в стаканчике и выкинул, но на сей раз ему не повезло. На столе оказалась комбинация из трех четверок, единицы и шестерки.

Рыбий Череп собрал все кости, один за другим побросал их в стакан и безо всяких лишних жестов скинул на стол две двойки, единицу, пятерку и шестерку. Невыгодная комбинация заставила его с полминуты обдумывать дальнейшие действия. Наконец, он оставил двойки, а остальные кубики перекинул. Один ударился о бортик и открылся двойкой. Остальные продолжили катиться, и в этот момент Ги уже подумал было, что Рыбий Череп сжульничал, и кости соберутся в покер или даже комбинацию из пяти одинаковых цифр, но на счастье играл он честно. Собрав три четверки, Ги одержал победу над его тремя двойками, тройкой и пятеркой.

– Что ж, сегодня магия случая покорна именно мне.

– Сегодня, – пожал плечами Рыбий Череп и зашагал прочь.

Уже привыкнув к необычной манере общения татуированного нового знакомого, Ги поспешил за ним. На сей раз Рыбий Череп не стал размениваться на сидение на сцене и отвел посетителя напрямиком в свой кабинет.

Всю заднюю стену просторного помещения занимала клетка. По сути, она не стояла в комнате, а отгораживала добрый ее кусок. В этой импровизированной вольере скакало по искусственным деревьям небольшое юркое существо серо-рыжего цвета. Когда Рыбий Череп приблизился к клетке, зверек остановился, обнюхал протянутый палец и, довольно пискнув, продолжил беготню по замкнутому кругу.

– Как зовут вашего друга?

– Никак.

Следовало ожидать. Чтобы назвать зверька, Рыбьему Черепу пришлось бы сказать больше двух слов подряд. "Нарекаю тебя Жозефом-Вешателем" или что-то в этом роде. Ги не был уверен, что немногословному Рыбьему Черепу по плечу была столь длинная речь.

– Тогда перейду к сути без знакомства с ним.

Собеседник сел на пол, прислонившись спиной к клетке. Стульев у него не водилось, и Ги остался стоять.

– Вы когда-нибудь думали о расширении?

– Нет.

– А о превращении игорного дома в центр притяжения для всей Лутеции? Для всей Эльвеции?

– Нет.

– Тогда почему бы не задуматься теперь? Мой наниматель располагает свободными средствами, которые он не прочь пустить в ход. Вы можете посчитать подобное предложение попыткой отобрать или выкупить ваш салон, но, поверьте, это не так. Он прекрасно осведомлен, – Ги кашлянул, – что лучшего управителя не найти. Знает и об особых условиях посещения. Менять их не собирается никто. С другой стороны, представьте себе, каковы перспективы...

Рыбий Череп зевнул, продемонстрировав золотые зубы, торчавшие из покрытой рубцами десны. Судя по всему, у него было боевое прошлое.

– Первый в мире клуб для магов всех мастей. Выкупленные соседние дома, потом весь район внизу, потом отделения в Верхнем Городе, других городах, за границей. Шеф покупает не здание и не фишки, он платит за идею, которую планирует возвеличить и прославить. Ваш опыт – его деньги. В случае неудачи вы ничего не теряете, этот дом, – Ги описал рукой полукруг над головой, – останется у вас в любом случае. Но зачем довольствоваться только им?

– Незачем.

– Это означает согласие на дальнейшее обсуждение сотрудничества?

– Не окончательное, – сказал Рыбий Череп.

– Уже это радует меня, – давненько слова не шли с таким трудом. В ответ на железное спокойствие Рыбьего Черепа сложно было находить правильные реплики. Казалось, что одна неверная формулировка может похоронить все, чего Ги так неожиданно, но успешно добился.

– Чем?

– Мне нравится концепция заведений, в которых те, кто обладает даром, смогут найти собратьев и единомышленников. Не подпольных рынков и не тайных ковенных, а цивилизованных клубов, которые идут в ногу со временем. Избавиться от излишней архаики, клейма прошлого, когда магов либо использовали, либо уничтожали. Человечество прогрессирует, так почему бы не помочь волшебству прогрессировать соразмерными темпами?

Этими словами он попал в цель. На лице Рыбьего Черепа появилось что-то похожее на удивление. Потом он несколько раз утвердительно качнул головой.

– Резонно, – он жестом подозвал молодого человека ближе.

– Мы можем подумать над следующим шагом вместе, или вам уже хочется познакомиться с шефом и узнать его имя?

– Второе, – Рыбий Череп вложил в руку Ги карточку. – Аудиографируйте.

– Конечно. Приятно было познакомиться с вами.

4. Творец разврата

– А ты зачастил, – пробубнил Свен, запуская Ги в свою берлогу. – Водку или джин? Хотя не. Джин. Без выбора. Хочу, чтоб ты оценил. Только вчера из Энгли доставили. Знаешь, что странно? Можжевельных лесов в Энгли уже нет как ни бывало, а джин все равно гонят лучший из лучших.

– Прямо-таки тайны нашего времени. Куда там дракону из Ленесских озер!

– Драконы вымерли, а джин остался, вот что удивительно.

Свен разлил прозрачный напиток по стаканам и протянул порцию другу. То поднес джин к лицу, и ядреный хвойный запахшибанул прямо в ноздри. Зная, что от щедрости приятеля не отвертеться, Ги одним могучим глотком осушил стакан.

– Как будто ёлку пожевал.

– Да брось! – хохотнул Свен, стряхивая с бороды капли джина. – Напиток старых богов плохим не бывает!

– Старых богов тоже не бывает. А дело к тебе есть.

– Пеллий начудил? Только намекни, и я велю...

– Нет, с ним-то как раз все нормально, хотя сволочь он изрядная.

Северянин кивнул.

– Нужна еще одна наводка.

– Имя?

– Марсель Раву.

Уголки губ Свена опустились.

– Впервые слышу. Кто таков?

– Какой-то актер интересного жанра. Труженик кожаной винтовки и хитрого языка, понимаешь?

– Еще один порнушник, что ли? Я тебе что, малолетний рукоблуд? – обиделся швай. – Крупную рыбу я еще знаю, но, вопреки твоим извращенным представлениям, не слежу за карьерой шлюх и дармоедов, елозящих перед визорами.

Он звякнул бутылкой, наливая себе новую порцию. Ги попытался закрыть свой стакан ладонью, но Свен сурово сдвинул брови, и ему пришлось позволить поделиться пойлом старых богов. Чокнувшись и влив в себя джин, Ги зашел на второй круг.

– Одервье утверждает, что этот Раву много снимается. Неужели в Лутеции так много актеров?

– Понятия не имею. Слышал, что пара-другая разбогатели и теперь живут припеваючи в собственных поместьях. Но это, в основном, педики. Им платят больше. Присунуть девке можно и за гроши, а вот тащить в рот чужой хрен – дело другое, не всякий даже за деньги возьмется.

Шастать по загородным имениям гомосексуальных знаменитостей Ги не улыбалось, и он вытащил из рукава козырь.

– А что насчет визоров? Они-то должны быть известнее актеров. Какие-никакие, а маги.

– Пожалуй, – согласился северянин, хитро сощурившись. – А ты знаешь, кто снимал убийство Ларе?

– Некий Жаки. Довольно жалкий на вид тип.

– Жаки-Жаки-Жаки, – посмаковав имя визора, Свен, наконец, кивнул. – Есть такой парень. Дай мне полчаса. Выпей пока еще.

Бесцеремонно сунув в руки успешного малость захмелеть Ги бутылку, северянин крикнул, нехотя поднялся на ноги и подошел к громадному шкафу, занимавшему почти все пространство от входной двери до дальней стены и набитому коробками с папками, ящиками для визионных снимков, аудиографическими пленками и художественными альбомами. Доставая одну коробку за другой, Свен бурчал что-то про собственное разгильдяйство и чересчур распухший архив. Трудился он долго, и Ги от нечего делать даже удосужился пару раз пригубить джин. Помочь он не предлагал: швай щепетильно относился к своим сокровищам и не подпускал к ним никого в целом мире. Обещанные полчаса уже подходили к концу, когда Свен обнаружил искомый ящичек.

– Ага, вот он где!

Он положил на стол толстую книгу в кожаном переплете, озаглавленную как "Романтикон". Обложка алела розами, обвивавшими тело нагой красотки. Из многочисленных уколов сочлились пугающе реалистично нарисованные ручейки.

– Лет семь назад этот "Романтикон" был популярнее Откровений Всевечного Отца. Его тогда чуть не запретили из-за чрезмерной фривольности.

Семь лет назад Ги бегал по плантациям, пытаясь спасти родительские труды, и никаких фривольных книг в глаза не видел.

– И что в нем такого?

– Для тебя откровений не будет, – фыркнул Свен. – Голые девки да дурные стишки. Но вот несколько снимков...

Открыв "Романтикон", швай быстренько перелистнул первые страницы, у одной загнул уголок, потом захлопнул книгу и открыл снова – на сей раз с конца. Там он нашел еще одну нужную страницу и водрузил фолиант на колено разворотом к другу.

Женщина, извивавшаяся на кровати с пышным балдахинном, бесстыдно смотрела Ги прямо в глаза. Ее странная, словно изломанная, поза напоминала корчи пытаемых мучениц с криевских икон. Под снимком в рамке, вырисованной из тех же роз, что на обложке, стояла подпись "Jасqui". Что ж, ранние работы Жаки выглядели существенно благороднее теперешних.

Ги прочитал стихотворение, помещенное на соседней странице. Оно показалось ему чересчур примитивным:

Когда ты умрешь,

Меня не вини.

С тугих облаков

Назад загляни.

Там страсти твои,

Там вечный закат,

Любовников мгла,

Абсентовый ад.

Сомкнувши ладонь

На шее твоей,

Я в клочь изорву

Дневник прошлых дней.

В своей наготе

Впослед не соврешь:

Враз станешь собой,

Когда ты умрешь.

– Ну и ахинея, – поделился Ги со Свеном. – Неужели эти дрянные вирши кому-то нравились?

– Лично мне нет. Я только визиоснимки смотрел. Но находились и ценители подобной поэзии. Томные дурёхи из университета да сопляки, режущие вены, чтобы произвести на них впечатление. Отбросы, в общем.

Свен пролистал книгу до первого отмеченного им снимка. Он тоже принадлежал машине фантазий Жаки и изображал совсем молоденькую девушку, сжимавшую в руке кривой клинок. У ног юной амазонки распростерся мужчина с отсеченной головой. Лицо жертвы было скрыто изогнувшейся в агонии рукой, виднелась лишь густая копна волос.

– Это аллегория несчастной любви, судя по названию стиха, – прочитал Ги заголовок еще одного дурацкого стиха. – "Любовию убит", это же надо такое придумать!

– Не читай вслух, – предостерег Свен. – Тут один опус хуже другого.

– Но если вдуматься, то что-то неуловимо напоминает мне историю с Денн. Несчастливая любовь, тема убивающего распутную женщину праведника. Он еще и душу ее спасает. "С тугих облаков" призывает оглянуться. Значит, пропащая девица-то не в пасть Великой Змеи попала, а в небесные кущи Отца.

Швай постучал кулаком по голове.

– Бред.

– Бред, наверное, – Ги вздохнул. – Случайность. Но проверить Жаки я должен и даже знаю, кто мне в этом поможет.

На встречу с Эйме Карпентье Ги шел пешком, чтобы выгнать из головы можжевелевый хмель. Рапорт шефу об удаче с Рыбьим Черепом он решил отложить на потом. Являться в контору в полупьяном состоянии значило рисковать и вызвать лишние вопросы. С чего он взял, что Карпентье окажется более снисходительной? На этот вопрос ответить ничего вразумительного не получалось.

Будь Ги назначено любовное свидание, он смертельно обидел бы избранницу своим опозданием. В отель молодой человек зашел, когда большая стрелка часов под надписью "Лутеция" сделала первый шаг между шестеркой и семеркой, а малая миновала полпути до восьми. Половина восьмого в Эльвееи. Девять тридцать в Энгли, позднее утро в Веспианской Конфедерации, ночь в Тхейрасха, предрассветная тьма над приморскими провинциями Че-Тао.

Трансконтиненталь считался одним из самых престижных и дорогих отелей города. Выстроенный по типовому плану мраморный уродец Верхнего Города предлагал постояльцам и гостям все мыслимые удовольствия, не запрещенные законом. Лобби первого этажа пестрело цветами зимнего сада и авангардными полотнами на стенах. Стульев там не водилось, к низким стеклянным столикам были приставлены скрипучие кожаные кресла. Официантки в коротких платьях перемещались от столика к столику, выставляя перед важными господами в костюмах и их спутницами бокалы с игристым вином. Ни одна из девушек не спрашивала, нужен ли напиток: прерывать отдых хозяев жизни подобными мелочами не полагалось.

Наряд Ги – жилетка поверх белой рубахи, серые штаны в еле заметную серую же полоску и запыхавшиеся, но все же довольно модные остроносые ботинки – смотрелся здесь просто смешотворно. Золотые пуговицы на пиджаках каждого второго из присутствовавших господ могли бы обеспечить Ги месячное содержание, заложи он их в ломбард. В общем, если вчерашним утром Ги выступал в роли угнетателя в глазах трудяги из кабинки вертикальных путей, то теперь поработанным чувствовал себя он сам. Социальная пропасть в местах, подобных Трансконтиненталю, ощущалась острее всего.

К чести персонала отеля, прогнать неопрятного посетителя не пытались. И даже практически не смотрели косо в его сторону, когда, порывав по залу в поисках Карпентье, он сел за барную стойку и попросил томатного сока. Крошечный бокал обошелся Ги в полкроны; примерно столько он отдал бы за две корзины помидоров на рынке внешних кварталов.

– Вы можете себе это позволить! – за плечом Ги выросла Карпентье. – Неужели о баснословном жаловании работников фирм ходят правдивые слухи?

– Наоборот. Мне теперь не на что будет прокормиться.

Оперативница присела рядом с Ги. Служебную форму она сменила на изящное синее платье с открытыми плечами и вырезом по всему бедру.

– Итак, я здесь, – он отставил пустой бокал в сторону. Чернокожий бармен жестом предложил повторить подвиг небывалой расточительности, но Ги помотал головой, отказываясь от самого дорогого сока в жизни.

– Спасибо, что пришли. Почему-то я была в вас уверена. Вам не безразлично.

– Смотря к чему.

– К зверскому убийству как минимум, – сказала Карпентье. – Вы же понимаете, что именно из-за него я вас пригласила.

Ги огляделся. Собеседница говорила об убийстве так беспечно и спокойно, словно их окружали глухие люди. Между тем, в обстановке благополучия и сытого покоя даже сама мысль об окровавленной постели и расчлененном трупке казалась неуместной, излишней.

– Нас не подслушивают, – оперативница улыбнулась в ответ на недоуменный взгляд. – Трансконтиненталь не был бы Трансконтиненталем, держи он в памяти и разбалтывай тайны своих гостей. Это одна из причин, почему мы встретились именно здесь.

– А вторая?

– Пойдемте со мной, Ги.

Лифт отвез их на второй этаж. Работник, сопровождавший гостей при подъеме, попытался было остановить их, но Карпентье показала ему книжечку с эльветийским гербом на обложке, и он моментально отстал, отвесив на прощание учтивый поклон. На втором этаже не было никого. Пустой коридор, погруженный в тишину, показался Ги пугающим. Оперативница подошла к двери с номером 2-23 и, невзирая на висевшую на ручке табличку "Ремонт", нажала на звонок. Открыла черноволосая девушка в наряде официантки.

– Проходите, Эйме, мсье.

Ги взял Карпентье под локоть, задерживая ее в дверях.

– Не бойтесь. Ничего преступного или опасного, – полицейская потянула его за собой. – Вы все быстро поймете, Ги.

Комната 2-23 отчаянно нуждалась в ремонте. На потолке расплзались коричневые пятна, ободранные обои свисали неопрятными клочьями, кресла, тумбы и стол громоздились в углу, а под хрустальной люстрой – самым пристойным элементом интерьера – стояла застеленная красным постель.

На постели сидел молодой мужчина в круглых очках. Он уже начал лысеть, и судя по обвисшим щекам и двойному подбородку, причиной тому было нежелание препятствовать чревоугодническим желаниям. Официантка встала подле мужчины, положив руку ему на плечо.

– Это Ги Деламорре из "Шедерне и партнеров", – представила спутника Карпентье. – Ги, познакомьтесь с Вивьенн.

Черноволосая присела в старомодном поклоне. Ги пожал плечами.

– А нашим сегодняшним гостем будет гражданин Балаво. Луи, если не ошибаюсь.

Тучный мужчина закивал. В его движениях было что-то подсказавшее Ги, что он боится.

– Балаво позвонил нам в день убийства Денн Ларе, Ги, – продолжала Карпентье. – Это он организовывал ее съемки.

– Значит, что-то пошло не так, Луи?

Услышав мужской голос, Балаво оживился. Пухлые щеки пришли в движение, губы сложились трубочкой, изо рта вырвался то ли вздох, то ли свист облегчения, и Балаво затараторил.

– Все пошло не так, мсье! Вообще все! Сначала этот лентяй Роже отказывается сниматься с Ласточкой, говорит, что надоели ее придирки и дурной нрав. Я нахожу ему замену, вытаскиваю Жаки (а он деньги берет те еще), арендую этот дом, чтобы все чистенько-гладенько прошло, и на тебе, Луи, получай! Как будто сама судьба против меня, сам Всевечный Отец!

– Спокойно, – Ги присел рядом с незадачливым порнодельцом. – Судьба куда злее ополчилась на Ласточку-Денн, не находишь?

– А я тут при чем? Почему бы этому психу не напасть на Одервье, на Ронду Жереми с ее мужеподобными лесбиянками? Нет, он выбирает именно мою девочку. Лучшую, прошу заметить, девочку. И прямо перед моими глазами... – Балаво поперхнулся. Ги постучал его по спине.

Карпентье с интересом изучала его методы общения. Похоже, пока что они ей нравились. Вивьенн же отошла к окну, открыла форточку и зажгла сигарету.

– Чтобы вы лучше представляли себе ситуацию, Ги, – нарушила молчание Эйме Карпентье, – расскажу, как мы оказались в этом номере.

– А Луи? Ему положено знать?

– Вполне может себе позволить. Ровно в десять его на этой же самой кровати обнаружит следователь-криомант Галлар, так что никакого вреда от того, что он узнает, что я расследую убийство, не будет.

При упоминании криоманта Балаво вздрогнул.

– Но у него есть и другой выход. Рассказав нам всю правду, он получит фору в один час, и Галлар поймает его чуть позднее или не поймает совсем, это уж как повезет.

– Выбор, достойный небольшого раздумья, – согласился Ги. – Пока Луи собирается с мыслями, поведайте, какова моя роль в этом действе?

– Вы забавный, Ги, – оперативница подошла к Вивьенн, взяла у нее еще одну сигарету и сунула в рот. – Неужели вы думали, что визиты к Касперссену и Одервье останутся без внимания? Не стоит недооценивать полицию. Мы все знаем. Знаю я, знает Галлар, знает любой из отделения, потому что эти убийства и все, что с ними связано – наша головная боль.

– Тогда к чему эти уловки? Почему бы не отдать Луи в лапы Галлара прямо сейчас?

– Отдала бы с великой радостью, – Карпентье затаилась и выпустила струйку дыма в лицо Балаво, – если б не Вивьенн.

– Я запутался.

– Как вам комнатка? – спросила Вивьенн.

– Я бы попросил заменить ее, плати я полную стоимость Трансконтинентала. Вид в окно не тот, если смотреть с улицы.

– И он не случайно именно таков. Этот номер – такая же площадка для развратных съемок, как и дом в Железном Городе. Луи хорошо зарабатывает и может позволить себе выкупить его надолго. А я прикрываю его. В отеле работать удобно. Всегда можно найти уголок для любых занятий.

– И зрителям приятно наблюдать за сношением в такой удручающей обстановке?

– За особыми видами сношений – да, – встрял Балаво. – Плетки, содомия, все, что занимает взыскательные умы.

– Плетки, содомия, резня серпами, – заметил Ги.

– А еще по несчастной прихоти судьбы Луи мой брат.

– Вивьенн обратилась ко мне, чтобы облегчить участь родственника, – подхватила Карпентье. – Вот и пришлось пойти на уступки.

– Похоже на стговор, младший оперативник.

– Похоже на то. Но цель оправдывает средства.

Луи Балаво шел к своей мечте долгие годы. Ничем не выделявшийся из серой толпы сверстников молодой человек испытывал нужду в деньгах и проблемы с женщинами. Зато у него была великая цель: стать театральным режиссером. Свет больших рамп манил к себе, обещая славу, состояние и признание. Луи не хватало всего лишь двух вещей: опыта и связей. И если со вторым разобраться было сложно, накопить первоначальные знания в постановке сцен двадцатилетний Балаво сумел.

Первую визионную порнотрансляцию он организовал прямо из стен авангардного театра, где подрабатывал уборщиком. Актриска, вечно маявшаяся бессловесными ролями, и перебивавшийся случайными заказами костюмер-самоучка согласились заняться любовью перед оком визора. На роль последнего Балаво подыскал слабого и потому совершенно отчаявшегося телепата-алкоголика, чьих сил хватало лишь на пять-семь экранов. Стоя одесную сотрясавшегося от жесточайшего похмельного синдрома визора, Луи с неудовольствием наблюдал за неловкими потугами изобразить страсть. Актриса оказалась настолько же бездарной в деле публичного разврата, как и в драматическом амплуа, а у ее кавалера каждые десять минут возникали проблемы с эрекцией. Это был провал. Двое из семерых зрителей потребовали уплаченные за просмотр деньги назад, Балаво разогнал свою первую команду и на целый год сел за бумаги.

Он писал не роман и не стихи. Из-под пера целеустремленного парня выходили инструкции и требования к актерам и визорам. Провалив дебют, Луи вынес необходимые уроки и решил сделать упор на то, что остальным режиссерам казалось малозначимым – на атмосферу и правильные ракурсы.

Вторая же трансляция Балаво принесла ему славу. Заставив парочку любовников, переманенных у Мартена Одервье большим гонораром, совокупляться на фоне завешанных кладбищенскими пейзажами стен, в окружении бутафорских могил и склепов, Луи попал в точку. Ничего подобного до него не снимали. Не остановившись на этом, Балаво навсегда убрал из кадра все признаки роскоши, достатка и благополучия. Фирменным знаком его трансляций стали полумрак, эстетика упадка, нарочито грязные и старые предметы мебели.

Ласточка-Денн стала для Луи настоящей находкой. Изысканной красоты женщина, приняв приглашение на съемки у мрачнейшего из порнодельцов, принесла ему больше десятка тысяч крон. Контраст между совершенным телом Денн и окружавшим ее фальшивым тлением нашел живейший отклик в сердцах и органах, весьма от сердец удаленных, у подавляющей части ценителей визионного разврата. К тридцати годам Балаво достиг успеха. Не того, о котором грезил, но зато вполне реального и приносящего доход.

– Подстроить гибель Ласточки? Никогда! – подытожил Балаво.

Ги склонен был поверить Луи. Но оставить его в покое, не задав еще пару вопросов, было бы глупо.

– Кто должен был сниматься с Денн в тот день?

– Марсель, – ответила вместо брата Вивьен. – Я его как раз выгнала из номера. Он любит тут подремать, если съемок нет.

– Какой Марсель? – уточнил молодой человек. – Раву?

– Он самый. Бездельник тот еще, но симпатичный, ничего не скажешь.

– И где его искать? – вмешалась Карпентье.

– Да кто ж его знает, м'дам! – Балаво по-женски всплеснул руками. – Я ж ему не мамка, чтобы велеть возвращаться до полуночи. Вообще, он пьет частенько. Все гонорары спускает на выпивку и курево.

– Луи, – Ги приобнял дельца за плечи, – этот парень ночует в снятой тобой комнате, общается с твоей сестрой, трахает твоих актрис, в конце концов, а ты не знаешь, в каком кабаке искать его в случае надобности? Я скорее поверю во Всевечного Отца, чем в это.

– К чему скрывать его? – поддержала Карпентье. – Тем более, учитывая, что вы сами вызвали оперативников на место преступления, а теперь помогаете нам. Вы хотите, чтобы убийства прекратились?

Балаво кивнул.

– Где найти Марсея Раву?

– Подвал старого Вана, – сказал Луи. – Попробуйте там. Дешевый опиум из Четао и грошовый абсент. Учтите сами, что публика там соответствующая.

– Разберемся, – заверила Балаво полицейская. – Вдвоем проще.

– А Галлар?

– А ему я пока ничего докладывать не буду. Это и не в ваших интересах тоже. Когда Галлар, ведомый подложным аудиографическим звонком, явится сюда, никаких зацепок по Раву он не найдет, не так ли, Вивьенн?

– Здесь будет пусто, как в Круге Стяжателей.

– Похоже на попытку выслужиться, младшая оперативница.

– Похоже, мне не нравится слово "младший", – Карпентье бросила окурок на пол и наступила на него каблуком. – У меня есть амбиции, Ги.

Ги не стал отвечать. В номере оказалось слишком много не в меру амбициозных людей.

По правде сказать, к исходу второго дня Ги ужасно устал ездить вверх-вниз: из Верхнего Города в Железный, а затем назад. И хотя внутренне он уже готовился к повторению путешествия, услышав про подвал старого Вана, на полпути до вертикальных путей ему до смерти захотелось бросить Карпентье и отправиться домой. Удерживали от подобного не достойного мужчины поступка лишь честолюбие и гордость. Распутывая ниточку преступлений, Ги становился ревнив и себялюбив. Делиться лаврами детектива не хотелось. Мог ли он представить, к чему это приведет?

Опиумные притоны не закрывались ни на минуту. Опытные торговцы забытием знали, что к их клиентам жажда новой дозы может прийти в любое время. Иные просыпались посередине ночи, кто-то ради сладостной затяжки сбегал с рабочего места, а кто-то проводил в притонах вообще весь отведенный до неминуемого конца срок. Двери притонов обычно украшались изображениями драконов че-тао – длинных, усатых и гривастых. А если в одном из окон стоял желтый фонарь, внутри совершенно точно набивали наркотиком длинные костяные трубки.

Второй отличительной особенностью притонов были так называемые плакальщики. Именно они выволакивали из заведений и прятали трупы. В трупах недостатка не было. Вместе с экстрактом опиумного мака в трубки обычно заправлялись самые дешевые и потому опасные наркотики магического синтеза. Многократно усиливая действие смеси, они уничтожали мозг, проникали в легкие и разносили по артериям колдовской яд. Запрета на них, к слову, в Книге законов не водилось. Любой легальный алхимик мог абсолютно безнаказанно травить горожан, и естественно, многие из них так и поступали.

В подвал старого Вана Ги с Карпентье заявили ближе к полуночи. Миновав плакальщиков и девушек, за деньги составлявших посетителям компанию в частных комнатах, они очутились в сыром темном месте с земляным потолком и застланном драными восточными коврами полом. Старый Ван не особо заботился о комфорте посетителей: они возлежали в тесноте, глотая чужие дымы. Отгороженные шторами закутки выглядели немногим чище. Туда набивалось по пять человек, громоздившихся друг на друге. Поперек ушедших в наркотический делирий валились их более трезвые товарищи по несчастью. Девушки-спутницы шарили по карманам отключившихся, запихивая найденное во внутренние карманы халатов.

– Желаете трубочку? – обратилась к оперативнице одна из девушек.

– Только не здесь. Где хозяин?

- Хозяин? – не поняла девушка. – Здесь нет никаких хозяев, только я и сестры.
- А старый Ван? – Карпентье обвела помещение взглядом.
- Мы его придумали. Че-тао верят больше, – похоже, одна из владелиц притона решила не скрывать правды, поняв, что в число клиентов заманить ни замученного двухдневной беготней мужчину, ни чрезмерно элегантную для притона Железного Города девушку не удастся.
- Тем лучше. Тогда ты должна знать всех посетителей.
- Может быть.
- А может быть и нет?
- Девушка улыбнулась.
- Совершенно верно.
- Тогда я, может быть, сломаю тебе нос и наведу на твое жалкое логово криомантов, – заявила Карпентье. – Так доходчивей?
- Минутное колебание.
- Кого вы ищете?
- Марсель Раву. Бывает у тебя такой?
- Частенько, – сдала клиента девушка. – А что он натворил?
- Самое страшное, – вмешался Ги. – Он не имел чести познакомиться с нами. Он сейчас тут?
- Ушел уже. Но вы можете проверить его квартиру. Только не надо криомантов!
- Не будет, – пообещал молодой человек. – Где живет Раву?
- Девушка воздела палец вверх.
- На третьем этаже. Чтобы недалеко спускаться за веселым табачком.

Пять минут – и Ги с Карпентье уже стояли у двери, за которой, возможно, ожидала важная подсказка или даже разгадка тайны. Краткий стук – тишина – треск срывающейся двери. Карпентье перешагнула через выбитую преграду. Ги последовал за ней. Из короткого коридора можно было попасть в две комнаты. Ни в одной из них не горел свет.

– Налево, – шепнула Карпентье. – А я в эту.

Вытащив револьвер, Ги ступил во тьму. Пошарил по стене в поисках выключателя от электрической или магической лампы, но ничего не нашел. Ведя пальцами по стене и спотыкаясь обо что-то мягкое, он добрался до окна. Рука скользнула по дереву. Ставни. Еще одно движение вбок – и пальцы наткнулись на задвижку. Щелкнув ею, Ги отворил окна, и в комнату проник тусклый свет ближайших фонарей.

Его взору предстали наваленные на полу матрасы, упавший шкаф с пробитым боком, несколько колченогих стульев, плакаты с голыми девицами, развешанные вместо обоев. Жить в таком месте мог бы только опустившийся на самое дно наркоман.

В коридоре кто-то громко задышал.

– Карпентье?

Вслед за окликом послышались визг, два громких хлопка, шум падения чего-то тяжелого. Презрев осторожность, Ги бросился на помощь полицейской. Но помощь уже не требовалась.

Эйме Карпентье стояла над трупом. Из двух отверстий в груди Марселя Раву – если смуглым курчавым мужчиной с широко раскрытыми карими глазами был именно он – медленно поднимался дым. Тело почти не сотрясалось в конвульсиях, только ноги сучили по полу. А рядом с мертвецом изогнулся полумесяц большого серпа. Наметанный на всякие неприятности глаз Ги моментально определил, что произошло: Раву появился внезапно, замахнулся серпом, но нанести удар не успел. Оперативница выстрелила дважды, как ее, вероятно, учили старшие товарищи. Обе пули попали в цель, убив Раву на месте.

Карпентье выронила револьвер.

– Я не хотела.

– Он готовился напасть, – сказал Ги, но утешение вышло неуклюжим.

– Еще ни разу не стреляла в человека, – прошептала оперативница.

Приблизившись, Ги положил руку на ее плечо.

– Оставь меня.

Карпентье скрылась в "его" комнате, а Ги проследовал в ее. Быстренько отыскав окно и распахнув ставни, он впустил свет и в эту комнату. Первым, что он заметил, была напольная лампа. По счастью, она работала, и Ги сумел осмотреться. Впрочем, осматриваться долго не пришлось. Соломенная шляпа с черной вуалью лежала на столе, на самом видном месте. Рядом с ней лежал и второй серп.

– Ты это видела? – позвал Ги.

– Что?

– Шляпу и серп. Похоже, убийца отыскался.

– Отыскался, чтобы ничего не рассказать, – Карпентье с опустошенным видом подошла к нему, прикоснулась к рукояти серпа, провела пальцем по шляпе, потеревала вуаль. – Знаешь, что? Я провалила это дело, и Галлар оторвет мне голову. Могу я попросить тебя кое о чем?

– Ты сработала блестяще. Сколько времени потребовалось бы самому Галлару?

– Удача, не больше. Так как насчет просьбы?

– Выкладывай.

– Меня здесь не было, – сказала Карпентье. – Маньяка убил ты. Пусть вся слава достанется тебе, а я сохранию доброе имя. И дело будет раскрыто.

Ги взвесил на мысленных весах все за и против. В словах оперативницы была своя логика, но так просто отказаться от дела, почти принесшего ей заслуженное повышение... что-то во всем этом не складывалось в правильную картинку.

– А брат с сестрой Балаво? А девка из притона?

– Да кто их станет опрашивать! – махнула рукой Карпентье. – Галлар будет в таком бешенстве, что забудет обо всем на свете.

– А не сживет ли он со свету меня?

Карпентье вздохнула.

– Не обещаю, что не постарается. Вообще-то, на разговор он тебя вызовет. Но еще одного randevu с Галларом тебе не избежать, даже если ты откажешь мне. Сам ввязался в историю.

Крыть это замечание было нечем, и Ги сдался.

– Тебя здесь не было.

В качестве благодарности Ги получил поцелуй в щеку, но даже он не порадовал в тот момент. Кирпичики картины не складывались. Или фрагменты здания?.. Ги чувствовал одну лишь усталость и желание поскорее оставить эту бестолковую кровавую ночь позади.

После очередного изматывающего вояжа через весь подземный город к вертикальным путям Ги кое-как дополз до своей квартиры, упал на кровать прямо в одежде и моментально уснул. Сон ему привиделся вполне примечательный. В нем на него напала шляпа убийцы, размахивая зажатыми в невидимых руках серпами. От беготни во сне спасло только то, что спать оставалось всего три часа. Начинался новый день.

5. Равенство и справедливость

К чертям костюмы, решил Ги, собираясь на доклад к шефу. Плевать он хотел на правила приличия и культурный код делового квартала, если в этом самом квартале приходится бывать по два часа в сутки, а остальное время мотаться по Железному Городу и внешним районам, иметь дело с повернутыми на магии игроками, утешать убивших своего первого преступника оперативниц, а потом еще и отмывать рубахи и пиджаки от запаха опиумных смесей. Хватит. Тысяча благодарностей за предоставленный шанс, но нет.

Поверх майки он накинул безрукавку. Натянул самые старые из нашедшихся брюк, сапоги на шнуровке и повесил к поясу револьвер. Чтобы не выставлять оружие напоказ, в качестве верхней одежды был выбран длинный плащ из мягкой кожи. В холщовую сумку Ги вместил серп, прихваченный из комнат Раву. Волосы остались распущенными. Совершенно перестав походить на работника преуспевающей фирмы, обновленный Ги Деламорре – к вашим услугам – покинул свое обиталище, жуя на ходу яблоко, первое и единственное блюдо поспешного завтрака.

Верхний Город был красив, как и всяким иным утром. Каждый день еще до восхода солнца его драила целая армия наемных уборщиков. В деловом районе работали мусорщики и садовники, инженеры и мойщики стен и стекол. Отряд волшебников наводил чистоту там, куда не дотягиваются руки смертных. Как, если не чарами, объяснялось, например, нетускнеющее сияние шпилей башен и куполов храмов? Почему не вял ни один цветок на клумбах, а на тротуарах и мостовых не появлялось ни трещинки? И так вот уже сотню с лишним лет. Традиции, заложенные Жозефом-Вешателем, процветали и находили новое обоснование при каждом новом правительстве. Идеальный центр Лутеции был выгоден не только как символ процветания. Он давал стимул приезжать в столицу и развиваться вместе с ней.

"Шедерне и партнеры" занимали целое четырехэтажное здание на перекрестке улиц 2В и 45-Норд. Имен собственных у улиц не было (причуда Жозефа), но заблудиться в геометрически идеальном городе вышло бы разве что у полного дурака. Два сектора продольных улиц – Норд и Сюд – и алфавитно-числовые поперечные. Доска для шахмат, заполненная домами вместо пешек и ладей.

Шеф сидел в кабинете. Он имел обыкновение приходить в контору первым и проводить в ней весь световой день. О боязни темноты господина Шедерне ходило множество шуток, но ни одна из них не объясняла толком, почему он активен только при солнечном свете.

Зайдя к шефу, Ги застал его стоявшим у распахнутого окна. Теплые лучи заключили фигуру Шедерне в оранжевый ореол.

– Чудесный день, – сказал, не поворачиваясь, шеф.

– Продолжение другого чудесного дня.

Ги положил на стол карточку Рыбьего Черепа и серп убийцы Денн. Приблизившись, шеф с интересом рассмотрел их.

– Сначала по делу.

– Рыбий Череп готов к переговорам с вашим участием.

– Тебя просили об этом? – поднял бровь Шедерне.

– Обстоятельства оказались выше моих сил. Пришлось импровизировать. Условия крайне простые: сохранение кресла управляющего и концепции магических салонов. На первое время это выполнимо, как мне видится.

Шеф спрятал карточку в нагрудный карман.

– Вполне. С Черепом свяжутся люди из отдела обработки. А что это за гадость? – шеф двумя пальцами приподнял серп.

– Этим резали Денн Ларе.

Шедерне вздохнул.

– Окажусь слишком предсказуем, если спрошу, откуда он у тебя?

– Я убил убийцу. Адрес и всю информацию готов предоставить в службу безопасности.

Последовала затяжная пауза. Шедерне переводил взгляд с серпа на работника, затем обратно и снова на Ги. Наконец, в нем что-то словно надломилось, и он опустил в кресло.

– Не буду спрашивать, зачем, как и откуда ты выкопал этого своего убийцу. Просто убери это с глаз моих долой, доложи Полковнику Паннеру и предоставь ему решать, что делать дальше. Я бы уволил тебя прямо сейчас за своеволие и пренебрежение приказами, но отчет о

выступлении де Валансьена необходим мне, как воздух. Иди отсюда. Потом решу, как с тобой поступить.

Да уж, звездный час при живом Раву состоялся бы с куда большей вероятностью.

Самая короткая из бесед с шефом завершилась на редкость огорчительно и бесславно, так что похвала Полковника Паннера, главы охранной службы "Шедерне и партнеров", не добавила Ги уверенности и бодрости. Седоусый отставной офицер эльветийской армии пообещал уладить все дела с мертвецом, донести нужную информацию до полиции и даже попытаться сохранить в тайне имя расправившегося с ним детектива-дилетанта. Ничуть не сомневаясь в том, что Галлар вытянет из старика и имя, и подробности, и адрес съемного жилья, Ги спустился к своему рабочему столу, чтобы освежить в памяти вехи карьеры Филиппа де Валансьена.

Запросив архивы газет у секретаря, он налил чашку крепкого какао с острым перцем, погрузился в чтение и увлекся настолько, что едва не опоздал на саму речь.

Из истории де Валансьена получился бы неплохой художественный роман. Рожденный в семье аристократа-социалиста, он воспитывался в атмосфере холодного расчета, политических интриг и постоянной опасности. Радикальные, если не сказать революционные, воззрения Реми де Валансьена принесли ему небывалую популярность среди бедноты, но превратили в персону нон грата в высшем свете. Итогами первых пяти лет политической борьбы де Валансьена-старшего стали три покушения, опала при королевском дворе и разбивший чрезмерно нервную и нежную супругу паралич. Но были и победы. В Генеральные Штаты вошли первые десять представителей новообразованной Партии Справедливости. Укрепив позиции, де Валансьен перешел от теории к практике.

Мэтр Реми создал новую систему управления принадлежавшими семейству мануфактурами и крестьянскими хозяйствами. Основанная на ротации кадров, наемном труде с высокими расчетными ставками и продаже акций предприимчивым мастерам, она принесла небывалые плоды. Правильная мотивация рабочих стала залогом успеха.

Энтузиазм обеспечил де Валансьена первой крупной волной прибыли. Вложив подавляющее большинство вырученных денег в дальнейшее развитие предприятий, мэтр Реми снабдил их новейшими машинами и магическими аппаратами и тем самым дал старт новому витку развития. При этом и сам он, и его семья вынуждены были во многом себе отказывать. "Я помню, – откровенничал нестарый еще Филипп в журнале двадцатилетней давности, – голод и пустой черный зев камина в родовом поместье. Обладая фамильным именем и чувством собственного достоинства, экономически отец мало чем отличался от дельца средней руки".

В семнадцатилетнем возрасте Филиппа представили ко двору. Как и всякого знатного юношу, его ждала служба в рядах эльветийской гвардии. Тогда-то идеалы отца и сослужил ему дурную службу. Де Валансьена отправили подавлять восстание в колониальном Ай-Лаке. Бои с отрядами плохо обученных, но фанатично ненавидевших метрополию партизан затянулись на долгие три года. Жестокость враждебных сторон оставила в душе Филиппа свой след, и в Лутецию он вернулся рано постаревшим и потерявшим всякую веру в государственный строй, основанный на подавлении. Мэтру Реми даже не нужно было объяснять сыну, во что он верит.

Дуэт отца и сына де Валансьенов продолжил экономическую и политическую войну с монархией, нанеся удар по Министерству по делам колоний, куда двадцатиоднолетний Филипп поступил на службу. Эффективность, с которой де Валансьен решал вопросы, ставившие в тупик титанов старой политики, поразила даже его противников. Лишь юный возраст помешал ему занять высокие должности, но и он перестал быть проблемой через семь лет. Так называемый "ценз мудрости" – двадцать восемь лет – Филипп преодолел в звании вице-ревизора Ай-Лака и сопредельных земель. В тридцать один он стал губернатором столицы Ай-Лака и уполномоченным ревизором, а еще через восемь лет получил колонию в собственное управление.

Партия Справедливости к тому времени стала третьей по представительству в Генеральных Штатах. Девяносто пять мест, хоть и не позволяли де Валансьенам влиять на принимаемые законы, вызывали уважение и страх у роялистов. В отсутствие сына одряхлевший мэтр Реми вынужден был отречься от самых радикальных взглядов и заключить политический союз с рядом монархистских партий. Именно это решение отложило триумф Партии Справедливости на долгих тридцать лет. Она старела и теряла агрессию вместе со своим основателем, а Филипп де Валансьен, будучи в Ай-Лаке, занимался делами, далекими от грызни в эльветийском парламенте.

Сводки о подвигах Филиппа в Ай-Лаке Ги приготовился читать внимательнее всего. Начав с реформы системы управления, смены коррумпированных чиновников и реставрации туземного короля, он избавился от всех крупных игроков на политической арене колонии. Сосредоточив в своих руках неограниченную власть, де Валансьен начал эксперименты...

– Знаешь, – Ги поднял голову. Мирти стоял, опираясь на кипу неразобранной корреспонденции на столе, и корчил нервические гримасы.

– Знаю, причем очень многое. Но можешь просветить еще.

– Знаешь, я решил составить тебе компанию. Не каждый четверг можно живьем услышать речь будущего победителя.

Де Валансьен предпочитал выступать на открытом воздухе. Так он мог собрать больше слушателей, подчеркнуть скромность и близость к народу. Плас Сен-Луи, площадь, располагавшаяся с внешней стороны стен Верхнего Города и названная в честь святого покровителя нищих и калек, была идеальным вариантом для решающей речи. Заключенная в кольцо доходных домов и крытых торговых рядов Сен-Луи вмещала несколько тысяч человек.

Со стеной спин Ги с Мирти столкнулись уже на подходах к площади. Улицы полнились народом. Неудачливая бригада трансляторов, зажата в толчее, тщетно пыталась протолкнуться сквозь толпу разобранную машину фантазий. Обескураженный визор держался за руку одного из спутников, словно малый ребенок за подол матери.

– Сюда.

Ги впихнул Мирти в ближайшую лавку.

– Есть черный ход?

Торговка молча указала на дверь, располагавшуюся на противоположной от входа стене. Судя по всему, не один Ги догадался в этот день подобраться к площади с внутренних переулков торговых рядов. Он бросил женщине монетку.

Постучавшись в заднюю дверь еще одного магазина и расставшись со второй монеткой, они выбрались на улицу почти у самого ее слияния с площадью. Растолкав собравшуюся публику локтями, Ги вывел Мирти на переполненную Сен-Луи, в самом центре которой высился деревянный цилиндр трибуны. Пробраться ближе к ней было невозможно, так что Ги пришлось довольствоваться тем, что у него хотя бы вышло прислониться спиной к стене дома. Большая часть собравшихся не удостоилась даже столь ничтожного комфорта.

Шум на площади стоял соответствующий случаю. В какофонический гул слились шелканье настраиваемой аппаратуры визоров, искаженные фильтрами и громкоговорителями предостерегающие крики криомантов, скандирование речевок, брань и даже ржание лошадей.

– Кто додумался притащить сюда коней? – прокричал Ги, наклонившись к самому уху Мирти.

– Ты же не думаешь, что де Валансьен обходится без кареты? Слышал, он старомоден и мобили не жалуется.

Как выяснилось, де Валансьен не обходился также без двух магов и пятерых полицейских оперативников, поднявшихся на трибуну вместе с ним. Вскинув правую руку со сжатым – насколько Ги разглядел с такого расстояния – кулаком, лидер Партии Справедливости вызвал

рев восторга. Публика обожала его за то, что слышала из его уст все, чего так долго ждала, и не сомневалась, что уже вскоре все желанные слова претворятся в жизнь. Рубанув рукой воздух, де Валансьен моментально погрузил площадь в молчание. Помимо его голоса тишину нарушало лишь шелестение машин фантазий.

– Друзья! – обратился де Валансьен. – Сегодня воистину славный день! День, когда я полностью убедился в победе – нашей с вами победе.

И он заговорил о преданности и долге, двух составляющих будущих успехов на ниве изменения страны. Будучи предан Эльвееции, он в свою очередь ожидал преданности от народа. Поддержка в любых начинаниях, оправданные надежды на перемены, ни шага от линии Партии и другие догматичные, но оттого и столь привлекательные фразы так и сыпались с языка де Валансьена. Ничего нового ни Мирти, ни Ги, ни остальные мало-мальски смыслящие в политике слушатели не слышали ровно до того момента, когда политик добрался до середины речи и, переведя дыхание, медленно повернулся, осматривая толпу.

– Вы ждете от Партии не просто слов, друзья, – хрипло выговорил де Валансьен. – Думаю, мало у кого хватит смелости обвинить Партию в бездействии, но сегодня я решил объявить о чем-то особом. Я верю в принципы равенства и справедливости, как гласит наш устав, но есть один принцип, в который я верю еще сильнее. Верю всей душой, всем сердцем, всем существом.

Драматическая пауза – и де Валансьен продолжил.

– У каждого из нас много путей, но одна миссия. Не знаю, как вы, а я в своей убежден. Это работа на благо нашей любимой Эльвееции. Это война, это череда сражений с несправедливостью, и, как и у почти всякой войны, у нее есть две отличительные черты. Во-первых, неизбежность генеральной битвы. Во-вторых, жертвы. Каждый из вас, моих верных друзей, внесет свой вклад в победу в решающей схватке, отдав свой голос. Кто-то принесет жертву, лишившись благосклонности толстосума-работодателя или верящего в божественность монархии соседа. Члены Партии рискуют гораздо большим. Но я, я несу ответственность за победу, и мой вклад, моя жертва, – де Валансьен приложил руки к сердцу, – они должны быть самыми значительными, иначе я зря занимаю свое место. Они уже принесены на алтарь нашей победы. Вчерашним днем мной подписаны кое-какие бумаги, друзья. Я продал все свое имущество, кроме дома, в котором вырос, и все вырученные деньги планирую использовать, чтобы не оставить врагам шансов лишиться нас победы.

Это была революция. До этого момента ни одному из жителей Эльвееции не могло даже прийти в голову, что богатый человек может поступить подобным образом. Мирти толкнул коллегу локтем в бок и постучал по виску. Губы беззвучно произнесли: "фанатик". В ответ Ги покачал головой. Де Валансьен прекрасно отдавал себе отчет в том, что сделал. Непонятно было лишь одного: тонкий ли это расчет при уже выигранной войне или ставка ва-банк.

Понимая, что после такого сказать больше нечего, де Валансьен еще некоторое время развлекал публику историями о грядущих реформах и о том, какой замечательной будет жизнь после победы Партии Справедливости, затем распрощался, пожав руки пробившимся к трибуне последователям, и скрылся из вида.

– Безумец, – твердил Мирти на обратном пути. – Надолго таких красивых жестов не хватит.

– Ему и не нужно.

Ги запрыгнул на подножку трамвая. Ехать до конторы оставалось не дольше четверти часа.

– Когда он добьется победы, нынешние богатства не спасут никого. Скажи спасибо, если нашему Шедерне позволят оставить фирму себе. Могут и растащить для нужд угнетенных.

– Мне казалось, ты поддерживал де Валансьена, – скривился в очередной гримасе Мирти.

- Поддержка никуда не делась.
- Тогда откуда такая трогательная забота о деле шефа?
- Я на него пока еще работаю. Не забыл?

Мирти оскалил в улыбке зубы, белые и ровные. Зубы хорошо зарабатывающего человека. Если Ги был полнейшим дилетантом в юриспруденции и помнил исключительно декреты, что-либо запрещающие, его приятель прекрасно разбирался во всех хитросплетениях законов и потому получал существенно больше. Мирти олицетворял все, чем славились юридические фирмы: полнейшая внешняя невзрачность при способности отравить жизнь любому гражданину монархии вплоть до министров. Естественно, ему было, что терять. Де Валансьена с его справедливостью и равенством Мирти ожидал с такой же тревогой, как и сам Шедерне.

– Шкурный интерес, да, Ги?

– Я родился там, где при наплевательском отношении на шкуру ее могли содрать и пустить на шаманский барабан.

– Ах, оставь! – отмахнулся Мирти. – Лутеция – не Кемет, где перемены в порядке вещей.

Ги усмехнулся, заметив, что низкорослый негр с Кемета, державшийся за соседний поручень, неодобрительно посмотрел на его товарища. Интересно, что он забыл в Верхнем Городе? Неужто катит на смену в Трансконтиненталь?

– Перемены нужны, дружище.

– Но не такие.

– А какие? Повышение налогов – тоже перемены, да и захват новых колоний. Но желает ли подобного народ? Судя по тому, что сегодня наблюдалось на Сен-Луи, ему нужно далеко не это.

– Да народ сам не понимает, чего ему нужно, – при этих словах на Мирти уставилось еще два пассажира.

– А кто понимает?

Этот вопрос поставил коллегу в тупик. Он пожал плечами и замолчал. Ги не стал тревожить его и остаток пути смотрел в окно на трясущиеся за мутными стеклами лишённые индивидуальности здания Верхнего Города. Столица по-прежнему сверкала безупречной стерильной красотой, но молодой человек знал, что на самом деле она содрогается от вершин Элизийского холма до дальних предместий, где улицы внешних районов переходят в проселочные дороги.

Распрощавшись с Мирти на втором этаже, Ги поднялся к шефу и рассказал ему обо всем, что говорилось на площади. Смотря одним глазом на экран визора, где спорили два политика-теоретика, Шедерне выслушал долгую речь. На том моменте, когда де Валансьен объявил о продаже имущества, шеф перебил подчиненного.

– Остальное – хлам.

– Согласен.

Оторвавшись от визора, Шедерне воздел глаза к потолку, надул щеки и с шумом выпустил воздух. На экране элегантный молодой человек, представитель правящего Благословенного Союза, рассказывал о последствиях прихода к власти социалистов. Картина выходила исключительно мрачной, но политик безбожно перевирал факты и придумывал для ПСР грехи, которые за ними вряд ли водились.

– Еще б ты не был согласен, – выговорил шеф. – Тут уж даже законченный идиот все поймет. На тебе сопровождение переговорщиков из отдела обработки к Рыбьему Черепу. Завтра с десяти. До того времени отгул.

– А де Валансьен?

– Ты его собрался пристрелить, как этого ублюдка с серпами? – саркастично осведомился шеф. – Поверь, я бы с радостью дал добро, да только к нему и на винтовочный выстрел не подберешься. Знаешь, кто такой мэтр Амарикус?

Ги не знал.

– Колдун у него на службе. Нигде не показывается, но на деле второй человек в партии. И самый опасный. Думаешь, на де Валансьена не устраивались покушения? – Шедерне сощурился, что позволило заключить, что к некоторым из заявленных покушений он имел не последнее отношение.

Ги неопределенно помотал головой. Разговаривать о покушениях не хотелось. Хотелось отправиться домой и в конце концов выспаться.

– Ладно, – смилостивился шеф. – Иди уже. И чтобы закрыть разговор о де Валансьене: никаких поручений, связанных с ним, давать больше не буду. Просто забудь и занимайся тем, что я велю.

Что ж, по крайней мере, Ги не собирались увольнять. И то хлеб.

Отсутствие консьержки стало первой встревожившей Ги приметой близкой опасности. Обычно разговорчивая старушка покидала свой пост после полуночи. Теперь же, несмотря на раннее время, окошко ее наблюдательного пункта было прикрыто. Поднимаясь по лестнице, молодой человек обратил внимание на пыльные следы на ступеньках. Это не может быть связано с убийством Денн, подумал Ги – и замер, глядя на распахнутую дверь в квартиру 32. Третий этаж, вторая дверь, так он и запомнил ее номер. Вот уже полгода после тяжелых будних и пьяных выходных он топал именно сюда. Теперь же, похоже, в ней завелся незваный гость.

Щелкнув предохранителем револьвера, Ги зашел внутрь. Взломщик превратил квартиру в подобие свалки. Взору предстали искромсанная мягкая мебель и поломанные табуретки со столами. Одежду вышвырнули на пол и растащили по коридору. Но хуже всего было не то, что Ги увидел, а то, что из спальни явственно доносился подозрительный шум. Ги посмотрел под ноги. Серые отпечатки ног вели в квартиру, но не из нее. Злоумышленник еще не успел ее покинуть.

Стараясь не шуметь, Ги прокрался по коридору. Рука с зажатым револьвером предательски тряслась. Прислонившись спиной к стене, он заглянул в комнату... и едва успел отпрянуть, спасаясь от коварного удара. Лезвие серпа царапнуло дверную раму, а Ги, потеряв равновесие, отшатнулся назад в коридор. Из комнаты выпрыгнул нападающий – и в тот самый миг Ги понял, сколь наивным было считать, что несчастных актрис потрошил покойный Раву.

Настоящий маньяк выглядел куда более устрашающе, чем наркоман, убитый вчерашней ночью. Треугольная шляпа с ниспадающей на лицо и половину груди непроницаемо-черной вуалью, просторный комбинезон с перехваченными латунными браслетами рукавами и штанинами, широкий пояс и сапоги составляли полный комплект описанного Мартеном Одервье наряда убийцы. В каждой руке маньяк держал по серпу.

Вскочив на ноги, Ги бросился прочь из квартиры. Убийца ринулся следом: тяжелая поступь его шагов раздавалась за спиной, как тиканье часов смертельного рока. Он не бежал, но, похоже, и без этого перемещался со сверхъестественной скоростью. Между вторым и первым этажами лишь отчаянный прыжок через пять ступенек, стоивший падения и неудачного приземления на левую руку, спас жертву от удара серпа. Острие заскрежетало по стене, а Ги перекатился на спину и дважды выстрелил наугад. Обе пули попали в цель. Маньяк пошатнулся, но, похоже, даже не почувствовал боли. Он продолжил спускаться, издевательски красиво поигрывая серпами.

Любоваться на его экзерсисы с оружием было самым глупым, что можно было вообразить в такой ситуации, но ужас буквально приковал Ги к месту. Опомнился он, только когда маньяк встал между ним и дверью, открывавшей путь к спасительному людному проспекту. В чувство Ги привел свист серпа, вернуться от которого в лежачем положении было практически невозможно. Он заслонился левой рукой, и предплечье обожгла острая боль.

Наверное, тогда он что-то закричал. Он не помнил; даже сильно сосредоточившись, Ги не смог бы повторить, что именно выкрикнул в занавешенное лицо. Страх смерти словно придал ему сил. Одним рывком Ги вновь оказался на ногах. Второй серп распорол на груди безрукавку и майку и оставил неглубокую царапину, боли от которой Ги даже не почувствовал. Вскинув правую руку, он вогнал пулю напрямик под вуаль врага. Маньяк сделал шаг назад, и это позволило повернуться к нему спиной и ускользнуть через черный ход.

За все время проживания на квартире Ги ни разу не приходило в голову ознакомиться с переулками, в которые выводила задняя дверь. Ругая себя за это последними словами, он бежал по узким проходам между домами. Под ногами скрипело дерево: вымостить эти огрызки уличной системы власти большого города явно не считали нужным. Ги старался петлять. На большой дистанции маньяк нагнал бы его довольно скоро, но в лабиринте переулков громадному тяжеловесному убийце приходилось постоянно сбавлять ход, чтобы вписаться в очередной поворот.

Погоня завершилась возле глубокого и широкого канализационного стока. Перепрыгнуть его не смог бы даже знаменитый акробат, выступления которого собирали публику в большом цирке. В глубину же он, на первый взгляд, превышал три метра. Внизу, как назло, не текло даже собиравшейся с улиц Верхнего Города воды: последний дождь прошел недели две назад.

Удар под колено поверг Ги наземь. Он успел перевернуться на спину, но лишь для того, чтобы маньяк поставил ногу ему на грудь вместо того, чтобы сломать позвоночник. Хрустнуло ребро. Стальные клювы серпов не спешили опускаться, но убийца явно чувствовал, что деваться загнанной добыче некуда. Впрочем, Ги мог сделать еще три выстрела и не собирался сдаваться без боя.

Серп прорезал правый бок как раз в тот момент, когда три последние пули одна за другой вошли в череп убийцы. Этого оказалось достаточным, чтобы свалить его с ног. Глухо зарывчав, маньяк завалился на спину, пробив деревянные настилы. Дожидаться, пока он встанет, Ги не стал. Бросив бесполезный револьвер и выдернув серп, он уцепился обеими руками за край стока и перевалился через край. Несколько секунд блаженного полета, удар о кирпичное дно – и закономерный жестокий финал. Какое-то время Ги еще мог ощущать боль в разбитом изрезанном теле, затем ушло и это. Проваливаясь во тьму, он злорадствовал в адрес маньяка. Пусть я умру, думал он, но по крайней мере не от серпов убийцы. Только не так...

6. Жертва Войне

На родине имя Каали Сенга означало "Жертва Войне", а как известно, имя предопределяет судьбу. Четырехлетний Каали Сенг узнал от отца, что появился на свет лишь затем, чтобы убивать, сражаться и погибнуть. В семь он впервые перерезал горло предназначенному в подношение Черной Матери пленнику. К четырнадцатилетию он потерял счет своим жертвам. Двадцатую весну он встретил беженцем, изгоем и без пяти минут висельником.

Култ беспощадной богини войны, возглавляемый отцом Каали Сенга, попал под пристальное внимание метрополии. Войска энгли с легкостью разбили дезорганизованное ополчение смертепоклонников, вытеснив их из Махаристана в соседний Кхай-нам. За головы Каали Сенга, его отца Каали Рахи и других высших жрецов были положены награды, так что и в Кхай-наме култ не задержался. Теряя людей, изнывая от голода, жажды и болезней, последователи Каали пересекли кхайские джунгли и вышли к благословенным водам Бирюзового Драконова моря. Туда, где расстились захваченные белокожими эльветийцами земли Ай-Лака.

В отличие от жестокосердных северян из Энгли, эльветийцы отнесли к культу Каали если не с безразличием, то с явной недооценкой. На жалобы айлакских крестьян из ближайших деревень местные власти реагировали с запозданием, а то и вообще не обращали на них внимания, а до ближайшего города с гарнизонными войсками и тайной полицией было два дня

быстрой езды. Между тем, причины встревожиться были: люди пропадали, чтобы никогда не быть найденными, а культ начал возвращать былую силу. Каали вновь одарила сторонников своим темным благословением.

Именно тогда Каали Сенг начал разговаривать с ракшасами. Как он узнал много позднее, Говорящих-с-Демонами в мире было немало. На северо-западе существ из потустороннего мира называли этериалами, в песках Кемета – джиннами, а многомудрые старцы из Че-тао разделили демонов на три десятка видов, каждый из которых получил свое название. Каали Сенг предпочел именовать своих зловещих собеседников ракшасами, как на родине, в Махаристане.

Зная, что ракшасы являются смертельными врагами Черной Матери, Каали Сенг скрывал свой страшный дар так долго, как мог. Первые два года ему удавалось заглушить голоса в голове и сдерживать демонов в рамках собственного сознания. Продолжая приносить жертвы на праздниках Каали, он уже не был уверен в том, кому на самом деле достается сладкое вино из предсмертного ужаса и обжигающей боли – богине или вечно испытывающим жажду ракшасам. Скорее всего, последним перепадало немало, поскольку противостоять им становилось все труднее и труднее.

Среди демонов, терзавших Каали Сенга, самыми напористыми были две сущности: Далиравара и Йоналишарма. Ракшасы не скрывали имен. Они нашептывали их в уши одержимого жреца, словно надеясь, что рано или поздно он невзначай повторит их вслух.

– Я помогу тебе добиться славы и власти, – говорил Далиравара. – Мои лезвия остры, а кости и сухожилия твоих врагов столь хрупки.

– Мои прелести затмят прелести смертных женщин, – шелестела Йоналишарма. – Со мной ты познаешь блаженство. Твой лингам не будет одинок ни единой ночью, а твои помыслы воспарят высоко над миром низкой плотской похоти.

Далиравара вырвался на волю первым. Каали Сенг не сумел удержать его во время одного из ритуальных праздников Черной Матери. Опыяненный пролитой кровью и опиумным настоем, он потерял контроль над своим телом. Ракшас не замедлил этим воспользоваться. Руками Каали Сенга демон начертил на пыльном полу хижины девятиконечную звезду, окропил ее кровью очередного айлакского крестьянина и заставил уста жреца произнести нужные заклинания.

Получив свободу, ракшас прекратил донимать Каали Сенга, зато Йоналишарма усилила натиск, и чтобы избавиться от ее постоянного присутствия, жрец провел еще один ритуал призыва – на сей раз по собственной воле. В момент катарсиса, когда Йоналишарма обрела воплощение и покинула разум Каали Сенга, в хижину ворвались воины культа во главе с отцом. Каали Раха не пожалел сына. Он был приговорен к сожжению на костре в честь Черной Матери. В ожидании участи Каали Сенг провел два дня и две ночи, а к рассвету судного дня ему явился Далиравара. В руке ракшас держал голову отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.